

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Речевые стратегии консолидации и конфронтации в речи политического
лидера»

Студент

Т.Г. Нуруллаева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

доктор педагогических наук, профессор, Л.А. Сомова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Конфликтные речевые стратегии и тактики, создающие коммуникативное пространство в рамках СМИ.....	15
1.1 Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в медиапространстве.....	15
1.2 Речевые стратегии и тактики в конфликтном дискурсе	23
1.3 Речевые стратегии и тактики, направленные на консолидацию общества.....	31
Глава 2 Лингвистические и риторические средства, отражающие коммуникативные стратегии конфронтации и консолидации в речи политического лидера страны.....	39
2.1 Приемы преодоления речевой агрессии в политическом диалоге ..	39
2.2 Апелляция к авторитету как речевая тактика политического лидера для обозначения границ конфронтации и консолидации в межкультурной коммуникации	44
2.3 Речевой портрет главы государства в аспекте психолингвистики ..	53
2.4 Речь президента с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации	57
Заключение	63
Список используемой литературы и используемых источников.....	69
Приложение А Тактические единицы, составляющие ядро лексико-семантического поля речевой стратегии «консолидация – конфронтация»	76

Введение

Тема настоящей выпускной магистерской диссертации посвящена проблеме изучения речевых стратегий консолидации и конфронтации, используемых в политическом дискурсе. В окружающем нас глобальном информационном мире, транслируемые медиаресурсами сведения выступают ключевым инструментом вербального воздействия на разум, эмоции каждого члена общества. С одной стороны, политик может выбрать путь искажения информации и генерации ложных источников данных, что ведет к нивелированию и разрушению культурно-нравственной и традиционно-религиозной картин мира, сеянию в сознании граждан мнимых патриотических установок, обострению конфликтных ситуаций. С другой стороны, политический лидер может выбрать риторическую стратегию, ведущую к укреплению определенной гражданской позиции, координации усилий на пути устранения возникших катаклизмов, налаживанию духа международного сотрудничества. Рычаги такого влияния находят свое выражение в определенных языковых средствах, коммуникативно-прагматических механизмах, риторических приемах реализации стратегий конфронтации и консолидации в политическом нарративе лидера нации.

Понятие речевых стратегий и тактик в русской лингвистической и юрислингвистической науках получило расцвет во второй половине XX века, тем не менее остается актуальным и по сей день, известны фундаментальные труды: А.Е. Жижина «Стратегии и тактики политического дискурса на примере речей В.В. Жириновского», О.С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», М.А. Кулькова «Коммуникативные стратегии и тактики убеждения в пословичном дискурсе», А.С. Калинина «Речевые стратегии и тактики дипломатического дискурса (на примере выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 года)», О.Б. Афанасенко «Речевые стратегии и тактики как элемент риторического анализа образа ребенка». Опубликованы исследования,

посвященные разновидностям репрезентации категорий речевых стратегий и тактик. Об этом пишут А.В. Ланских «Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики», Н.Н. Горяинова «Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения», Т.В. Марченко «Речевые стратегии и тактики гармонизации общения в поликультурной среде», Н.А. Синеокая «Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии)», Н.А. Сергеева «Стратегии и тактики речевого воздействия в предвыборном дискурсе Б.Х. Обамы», Е.А. Ломаш и М.В. Мишкевич «Стратегии и тактики самопрезентации на примере выступлений политического деятеля Дональда Трампа». Известны разные трактовки понятий «конфронтация» и «консолидация»: конфронтация – «столкновение», «разногласие», «речевая борьба», «речевая агрессия», «противостояние», «отрицательная коммуникация», «враждебные отношения», «неэкологическое общение»; консолидация – «согласие», «кооперация», «сплочение», «диалог согласия», «речевая толерантность», «интеграция», «точка соприкосновения», «экологическое общение». Новым явлением в истории русской лингвистики и юрислингвистики XXI века выступило выделение А.В. Селезневой ассоциативной стратегии восприятия оратора реципиентом, основанной на соотношении в сознании адресата говорящего с животным миром, маскулинными и благоухающими запахами, цветовой палитрой. Оригинальным подходом является классификация Е.М. Рогожиной, выделившей типы «человека говорящего» на основе стратегии мифологизации разнообразных архетипических мифологем: «лидер-защитник», «лидер-герой», «лидер-победитель», «лидер-борец».

На чем сосредотачивают внимание ученые при исследовании ключевых речевых стратегий и тактик в конфликтном дискурсе? Н.И. Формановская в труде «Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход» выделяет типологию базовых стратегий конфликтной коммуникации речевого взаимодействия: рационально-эвристическая, инвективная, куртуазная

[Формановская 2002]; И.И. Гулакова в автореферате кандидатской диссертации «Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения» приводит типологию аномальных (нестандартных) коммуникативных стратегий речевого поведения коммуникантов в конфликтном дискурсе: намек, ирония, жестокость и др. [Гулакова 2004]; Ю.В. Щербинина в книге «Вербальная агрессия» на основе конфликтного коммуникативного акта в межличностном отношении выделяет 20 способов контроля над речевой агрессией: амортизация, самоотвлечение, игнорирование и др. [Щербинина 2006]; G. Kuipers в работе «The sociology of humor» источником возникновения речевого конфликта (the speech conflict) при парламентских дебатах рассматривает «humor», который находит свое выражение в агрессивном подтексте (aggressive overtones), оскорблении (insult), критике (criticism), высмеивании оппонентов (ridicule opponents) [Kuipers 2008]; И.В. Певнева в труде «Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях общения» русскую конфронтационную модель поведения прослеживает в агрессивной оценочности, игнорировании коммуникативного баланса, речевом доминировании и др. [Певнева 2009]; М.А. Захаров в статье «Стратегии и тактики речевого поведения в конфликтных ситуациях» выдвигает специальные речевые техники языковой нейтрализации конфликта, трансформации соперника в союзника: побудительные речевые конструкции, добродушная интонация и др. [Захаров 2014]; Э.В. Будаев и В.В. Тихонов в исследовании «Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США» как особый политический инструмент рассматривают зооморфные метафоры, концептуализирующие конфликтный дискурс [Будаев 2016]; М.Р. Zheltukhina в соавторстве со своими коллегами репрезентирует «the strategy of conflict» как один из ключевых элементов медийно-политического блока, функционирующих в виде тактик разоблачения и противостояния (discrediting, undermining the credibility of the political opponent) [Zheltukhina 2018]; Н.А. Синеокая выявляет

в маскулинных коммуникативных стратегиях и тактиках сложные конфронтационные отношения между участниками дискуссии, выражающиеся в вербальной агрессии, дискредитации, подавлении авторитета языкового соперника [Синеокая 2019].

Как ученые репрезентируют речевые стратегии и тактики, направленные на консолидацию общества? А.В. Ланских в диссертации «Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики» консолидационную направленность участников речевого взаимодействия раскрывает в стратегиях положительного тона, искренности, солидаризации [Ланских 2008]; А.С. Воронович в статье «Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса» как один из эффективных коммуникативных ходов выдвигает тактику апелляции к авторитету, которая усиливая собственную позицию оратора при общении, лишает реципиента критического восприятия и осмысления мира [Воронович 2011]; Д. Иоакимиди в исследовании «Риторические особенности публичной политической речи Президента России В.В. Путина» основной инструмент консолидации общества государственным деятелем обнаруживает в риторизации политической культуры [Иоакимиди 2015]; D.L. Abusyarova на основе кооперативного дискурса исследует разновидности стиля коммуникативного поступка, выделяя конструктивные инструменты выражения экологической коммуникации (ecological communication): вежливость (courtesy), речевой этикет (speech etiquette) [Abusyarova 2016]; О.А. Уразгалиева в труде «Вербализация коммуникативной стратегии сотрудничества в политическом дискурсе (на примере выступления В.В. Путина на 70-й сессии генеральной ассамблеи ООН)» определяет языковые средства выражения в политическом дискурсе коммуникативной стратегии «сотрудничества»: местоимения, лексические единицы с положительной коннотацией и др. [Уразгалиева 2017]; В.А. Роменский совместно со своими коллегами в работе «Метафоры в речи политиков в письменном и синхронном переводе (на материале выступлений

В.В. Путина)» раскрывает стратегию кооперативной направленности действий лидера страны путем классификации метафор, функционирующих в публичной речи актора: этноспецифическая, бытовая и др. [Роменский 2018]; В.И. Космодемьянская нормы кооперативного поведения участников политических дебатов определяет через коммуникативные стратегии согласия/несогласия, реализуемых тактиками вежливости, уважения, доверия и др. [Космодемьянская 2020]; Л.В. Балашова направленность на народное единство, согласованность действий в речи В.В. Путина выявляет в используемых им когнитивных моделях стертых механистических (артефактных) метафор [Балашова 2021].

В настоящей магистерской диссертации, исследуя речь политического лидера (на примере высказываний президента РФ В.В. Путина) с учетом достижений истории русской лингвистической и юрислингвистической наук, а также экспликации феномена речевых стратегий конфронтации и консолидации, мы апеллируем к анализу языковых средств выражения референтных доменов концептуальной стратегии, эксплицитной или имплицитной интенциональной направленности мотивов речевой деятельности «человека говорящего», коммуникативно-прагматических и лингвокогнитивных механизмов обозначения границ «красных линий», выражения реминисценций и аллюзий на метафорический образ, определения иллюкутивной силы высказываний и перлокутивного эффекта вербальных приемов преодоления конфликтного речевого поведения на основе лингвистической и риторической категорий речевых стратегий конфронтации и консолидации. Данная проблема с позиций современной лингвистической и юрислингвистической наук представляется неисследованной, так как речевые особенности выступлений главы государства в аспекте стратегий конфронтации и консолидации до нынешнего дня не были в центре внимания ученых-языковедов и юрислингвистов. Известны позиции ученых, констатировавших, что речевые стратегии конфронтации и консолидации являются: инструментом ведения военных действий, эскалации вооруженного

конфликта [Абаренков 1987]; явлением социальной нестабильности, связанной с отрицательной коммуникацией, отсутствием эффективного речевого общения [Щербинина 2006]; набором вербальных действий достижения определенной коммуникативной установки [Иссерс 2008]; политическим инструментом агональной интенции за властвование и доминирование на политической арене [Михалёва 2009]; моделью психологической манипуляции сознанием адресата, деформации его когнитивной картины мира [Жижина 2016]. Вопрос о возможности осуществления лингвориторического анализа различных языковых средств концептуализации речевых стратегий консолидации и конфронтации на примере специфики интерпретации референтных тактических доменов выбранной стратегии, лингвокогнитивных механизмов речевого акта, семантических единиц вербальных высказываний политического актора и будет рассмотрен в магистерской диссертации. Такой подход составил **актуальность** нашего исследования.

Объектом настоящего исследования являются речевые стратегии и тактики в политическом дискурсе.

Предметом магистерской диссертации выступили языковые средства и речевые тактики, демонстрирующие стратегии консолидации и конфронтации в речи политического лидера (на примере выступлений В.В. Путина).

Цель магистерской диссертации состоит в том, чтобы выявить языковые средства выражения стратегий и тактик конфронтации и консолидации, способствующих созданию образа главы государства, владеющего коммуникативными приемами обозначения границ «красных линий» и аргументами убедительной речи, направленных на сплочение общества.

Для реализации поставленной цели были решены следующие **задачи**:

– определить понятия «стратегия», «тактика», «конфронтация», «консолидация», «позитивная стратегия», «негативная стратегия», «речевая

агрессия», «речевая толерантность», «конфликтный дискурс», «дружеский дискурс», описать особенности классификации речевых (коммуникативных) стратегий и тактик, проанализировав труды ученых, посвященных специфике функционирования речевых стратегий и тактик в медиапространстве;

– раскрыть особенности репрезентации речевых стратегий и тактик в конфликтном дискурсе;

– выявить основные характеристики речевых стратегий и тактик консолидирующего дискурса;

– описать приемы преодоления речевой агрессии в ходе политической коммуникации, систематизировав эффективные вербальные способы противостояния провокационным высказываниям;

– охарактеризовать апелляцию к авторитету как речевую тактику политического лидера для обозначения границ конфронтации и консолидации в межкультурной коммуникации на основе стратегической направленности речи оратора;

– исследовать речевой портрет главы государства в аспекте психолингвистики, акцентируя внимание на образы-мифологемы;

– охарактеризовать речь президента с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации, эксплицировав специфические «наборы» коммуникативных ходов и приемов ведения эффективного диалога.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**: конкретно-научный метод был направлен на анализ понятийно-терминологического аппарата; общетеоретические методы наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и противопоставления дали возможность аккумулировать и систематизировать материал, посвященный исследованию речевых стратегий и тактик конфронтации и консолидации общества; метод сплошной выборки примеров из стенограмм выступлений главы государства, текстов журналистских статей дал возможность получить материалы, позволяющие описать языковые средства, вербальные приемы,

коммуникативные механизмы, речевые стратегии и тактики, которые использовал политический лидер для преодоления конфликтного вербального поведения, создания эффективной коммуникации и дружеского контакта, кооперации усилий международного потенциала в осуществлении совместной деятельности, демонстрации правильного ведения диалога в рамках лингвистической безопасности; метод семантического анализа дал возможность распределить из сформированной посредством метода сплошной выборки примеры высказываний на тактические единицы, составляющие ядро лексико-семантического поля речевой стратегии «конфронтация – консолидация»; метод филологического и лингвистического анализа стенограмм речи, текстов журналистских статей помог определить специфику языковых и риторических средств выражения речевых тактик стратегии конфронтации и консолидации государственным деятелем.

Материалом исследования послужили стенограммы речи В.В. Путина, тексты журналистских статей, отражающие использование президентом РФ конкретных речевых тактик стратегии консолидации и конфронтации в ходе дискурса на политической арене. В результате анализа стенограмм выступлений было выявлено более 500 примеров высказываний, отражающих особенности использования языковых средств и речевых тактик в рамках стратегий консолидации и конфронтации в политическом дискурсе.

Новизна исследования и теоретическая значимость магистерской диссертации заключаются в том, что автору работы удалось проанализировать роль речевых стратегий консолидации и конфронтации в речи политического лидера, определить специфику коммуникативно-прагматической значимости оппозиционной стратегии «конфликт – сотрудничество» в медиaprостранстве, выявить и типологизировать эффективные способы контроля главой государства речевой агрессии в рамках межкультурной коммуникации, классифицировать примеры речевых тактик по лексико-семантическому ядру, являющемуся основой стратегии консолидации и конфронтации, охарактеризовать лингвистические средства и риторические приемы речевых

тактик обозначения границ «красных линий» в диалоге с оппонентами, тактик консолидации общества для противостояния внешним угрозам и внутренним разногласиям.

Практическая значимость выпускной магистерской диссертации состоит в том, что результаты наблюдений выступают ценным ресурсом для филолога и юрислингвиста, отражая специфику лингвистического анализа спорных текстов. Целесообразно использовать полученные материалы в рамках лингвокриминалистической экспертизы и анализа политического текста в вузе.

Положения, выносимые на защиту:

– языковые средства и приемы риторической реализации речевой стратегии «конфронтации – консолидации» в словесных высказываниях, охарактеризованные в лингвистических трудах отечественных и зарубежных ученых XXI века нашли отражение в политическом нарративе лидера страны;

– «апелляция к авторитету» как речевая тактика дает возможность эффективно влиять на адресата, демонстрировать направленность на создание конфликтной или дружеской коммуникации в рамках медиапространства, репрезентировать пути соблюдения правил ведения диалога в рамках лингвистической безопасности;

– речевые стратегии консолидации и конфронтации выступают смыслообразующими доминантами в речевых произведениях лидера нации (В.В. Путина), адресуемых соотечественникам и международному сообществу. Анализ лингвистических средств реализации речевых тактик позволяет установить мотивы и интенции коммуникантов, выявить истинные цели «человека говорящего»;

– лексемы и речевые конструкции, отражающие стратегии конфронтации и консолидации можно систематизировать типологически посредством распределения на лексико-семантические модули;

– роль языковой и риторической концептуализации речевой стратегии консолидации и конфронтации достаточно полно можно выявить, изучая

языковые средства и риторические приемы, такие, как контекстуальные антонимы, эпитеты, метафоры, фразеологизмы, бинарные оппозиции, аллюзии, реминисценции, прецедентные имена, ассертивные и директивные конструкции.

Апробация научной работы. Результаты магистерской диссертации были представлены и обсуждены на конференциях:

– всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество – 2020» (Тольятти, 25 декабря 2020 – 29 января 2021 года),

– научно-практической конференции «Студенческие дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 5-30 апреля 2021 года),

– пятой Всероссийской научно-практической, студенческо-аспирантской конференции «Гуманитарные чтения в Политехническом университете» (г. Санкт-Петербург, 13-14 мая 2021 года),

– всероссийской научной конференции «Наука, технологии, общество – НТО-2021» (г. Красноярск, 29-31 июля 2021 г.),

– XXV Международной научной конференции по риторике «Риторика и речекommunikативные дисциплины в науке и практике современного общества» (г. Москва, 2 – 4 февраля 2022 г.),

– XVI Международной научно-практической онлайн-конференции «ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА», посвященной памяти основателей Костанайского филиала ЧелГУ Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова (г. Костанай, 12-13 апреля 2022 г.),

– IX Международной научно-практической конференции «Вопросы современных научных исследований» (г. Саратов, 10 июня 2022 г.).

Результаты выпускной квалификационной работы отражены в публикациях:

- Нуруллаева Т. Г. Речевой портрет главы государства в аспекте психолингвистики // «Молодежь. Наука. Общество» – 2020 : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 25 декабря 2020 – 29 января 2021 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С. Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2021. С. 373-377;
- Нуруллаева Т. Г. Речь президента в аспекте коммуникативной стратегии консолидации // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 5-30 апреля 2021 года) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С. Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2022. Сборник в печати;
- Нуруллаева Т. Г. Речь президента с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации // «Наука, технологии, общество – НТО-2021» : сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции (29-31 июля 2021 | Красноярск, Россия) / отв. ред. И. В. Ковалев. Красноярск : Красноярский краевой Дом науки и техники, 2021. С. 159-164 (РИНЦ);
- Нуруллаева Т. Г. Политический диалог с позиций приемов преодоления речевой агрессии // НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ : сборник статей XV Международной научно-практической конференции, состоявшейся 17 ноября 2021 г. в г. Пенза / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. С. 75-77;
- Нуруллаева Т. Г. Апелляция к авторитету как речевая тактика политического лидера для обозначения границ конфронтации и консолидации в межкультурной коммуникации // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества : сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике (2 – 4 февраля 2022 г.) / сост.-ред. : В. И. Аннушкин, А. Г. Жукова, Л. В. Селезнева. М. : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. С. 333-341 (РИНЦ);

– Нуруллаева Т. Г. Приемы преодоления речевой агрессии в политическом диалоге // «ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА» : сборник материалов XVI Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной памяти основателей Костанайского филиала ЧелГУ Т. Ж. Атжанова и А. М. Роднова (12-13 апреля 2022 г.). Костанай : «ЧелГУ» Костанайский филиал, 2022. С. 534-537 (РИНЦ);

– Нуруллаева Т. Г. Коммуникативный потенциал устойчивых выражений в речах В. Путина и Д. Трампа // «Вопросы современных научных исследований» : сборник трудов IX Международной научно-практической конференции (Саратов, 10 июня 2022 года). 2022. (Сборник в печати) (РИНЦ).

Структура магистерской диссертации подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Конфликтные речевые стратегии и тактики, создающие коммуникативное пространство в рамках СМИ

1.1 Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в медиапространстве

Понятие речевых стратегий и тактик в русской лингвистической и юрислингвистической науке возникло во второй половине XX века в связи с изучением процесса коммуникации, имеющей своей целью выявление воздействия и восприятия реципиентом коммуникативной интенции адресанта. Рассмотрение и изучение данных понятий актуальный аспект современного языкознания, важно выявить в речи актора различные тактики, которые способствуют реализации намеченной политической стратегии в ходе коммуникации на политической арене. Актуализация прагмалингвистического исследования категорий речевых стратегий и тактик дает возможность обнаружить отсутствие полноценного анализа семантико-когнитивного, коммуникативно-риторического, синтаксического и стилистического компонентов речевых высказываний оратора, транслируемых в медиапространстве.

В «Большом толковом словаре» под редакцией С.А. Кузнецова понятие «тактика» определяется как «совокупность приемов и способов, используемых для достижения обозначенной цели», а под термином «стратегия» понимается «искусство в управлении политическим и общественным столкновением с целью получения желаемого исхода действий» [6, с. 1276-1304].

Н.И. Формановская в работе «Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход» отмечает, что установленные в обществе конвенции, правила коммуникации, применяемые для достижения желаемых целей, непосредственным образом оказываются связаны с тактиками и стратегиями общения. Стратегии связываются с замыслом ожидаемых результатов

общения, тактики же строятся из определенных речевых кодов, имеющих соответствие с единой стратегией [53, с. 58-59].

Комплексный и углубленный анализ стратегий и тактик русской речи дает О.С. Иссерс. Так, в узком смысле речевая стратегия выступает набором вербальных действий, осуществляемых с целью достижения определенной коммуникативной установки. В широком значении речевая стратегия репрезентирует целостный ход вербального воздействия, реализуемого коммуникантом в целях «обработки» собеседника, а также включает в себе определенное речевое действие и поведение, устремленные на разрешение коммуникативных задач. Речевая тактика выступает действием, которое служит осуществлению стратегии [22, с. 109-111].

Интерпретацию понятий «стратегия» и «тактика» Т.Р. Ленхобоева дает через призму региональных телепередач республики Бурятия, где «стратегия» осмысливается как определенный набор речевых действий, нацеленных на разрешение совместной проблемы. Под понятием «тактика» представляются единичные или множественные действия, реализующие стратегию [31, с. 205].

Важно рассмотреть особенности репрезентации речевых стратегий и тактик в текстах журналистских статей, а также в стенограммах выступлений глав государств, политических деятелей. Обратимся к трудам отечественных исследователей.

Е.М. Рогожина в качестве стратегии при исследовании образа общегосударственного лидера выделяет в статье мифологизацию, при помощи которой раскрываются образы-мифы, возвращающие в ценностно-символический ряд русского менталитета традиционный образ героя. «Оживление» мифа в политической среде связано с ассоциативным восприятием электоратом облика высшего должностного лица, которое проявляется в разнообразных олицетворениях архетипических мифологем: *«лидера-героя», «лидера-защитника», «лидера-победителя», «лидера-борца»*. Они демонстрируют образец имиджа истинного и гармоничного лидера нации, стратегическая цель которого направлена на сбережение и укрепление

страны, объединение национальных усилий в борьбе с общими трудностями [44, с. 163].

Рассматривая выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 г., А.С. Калинина исследует стратегическое и тактическое конструирование речи, которое содействует оптимизации речевого влияния на реципиента, образуя целую систему взаимосвязанных технологий. Применение в ходе Мюнхенской речи В.В. Путиным многообразных стратегий и тактик, направленных на реализацию интересов граждан страны, отражает новизну стиля и идей в разрешении назревших проблем. Автор работы отмечает желание верховного лица государства передать и разъяснить собственное отношение к обсуждаемому вопросу путем апелляции к стратегии самопрезентации и тактике аргументации, использующих риторические вопросительно-отрицательные и восклицательно-утвердительные конструкции¹. Анализируя определенные слова и фразы, автор определяет тактические задачи, стоящие перед лицом президента РФ: *«здоровье», «безопасность», «ответственность перед каждым гражданином», «как за каменной стеной»*. Обширная система стратегий и тактик, строящих речь публичного выступления В.В. Путина, отражают правоту слов и созидающий замысел действий [23, с. 55-56].

Применяемые в политическом дискурсе речевые стратегии и тактики А.Е. Жижина определяет как специфические модели манипуляции по отношению к адресату с целью деформации его когнитивной картины мира, приводящей к регуляции действий, достижению желаемой для адресанта ответной реакции. Суть речевых стратегий и тактик, используемых в процессе коммуникативного акта политическими деятелями, кроется в механизмах воздействия на ценностные ориентиры, волю, знания, внутреннее состояние

---

¹ *«Формат конференции дает мне возможность избежать «лишнего политеса» и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами». «Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам». «Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима – мирная трансформация! С каким количеством оружия, в том числе и ядерного оружия!» [23, с. 55].*

реципиента. Стратегическая цель заключается в завоевании авторитета и симпатии в глазах граждан, модификации их мировоззренческой картины мира, приводящей к запугиванию, манипуляции, доминированию над их сознанием или же зарождению доверия в душе населения, выведению их из психологического транса [16, с. 263-264].

О.Н. Кондратьева посредством анализа речевых стратегий и тактик в речи губернатора С. Цивилева устанавливает присущий ему тип коммуникации. Систематизируя стратегии и тактики, используемые руководителем области в ходе дискурса, она обнаруживает характерные особенности речевого портрета и поведения личности. Речевые интенции, реализуемые в индивидуальном дискурсе политика путем апелляции к конкретным стратегиям и тактикам, позволяют раскрыть внутренние мотивы и цели инициатора общения по отношению к окружающему социуму [26, с. 35-36].

Ассоциативную стратегию с целью изучения образа В.В. Путина использует А.В. Селезнева, выявляя частотность восприятий, связанных с животным миром, цветовой палитрой и запахами. Благодаря проведенному опросу исследователь констатирует, что образ президента в представлении российских граждан (адресата) соотносится с крупными, сильными, хищными и агрессивными животными: *медведем (63,7%), тигром (71,2%), волком (34,5%), овчаркой (66,4%)*. Возникшая в сознании респондентов связь обусловлена лидерским потенциалом, активно-агрессивным поведением, заключающим в себе роль «охотника», «хозяина».

Тестирование россиян, проведенное по цветовой ассоциации, продемонстрировало связь облика лидера страны с холодными, темными и яркими цветовыми оттенками: *серым (75,9%), синим (54,1%), желтым (77,7%), красным (65,7%)*. Перцептивное соотношение по данной ассоциативной стратегии отождествляется с политическими планами, проводимыми по решению главы государства, положительно или отрицательно, сказываясь на социальном ожидании.

При одоративном перцептивном опросе у респондентов обнаружилась ассоциация руководителя страны с маскулинными и благоухающими запахами: *хвойная туалетная вода (69,9%), престижный мужской одеколон (87,6%), сибирский кедр (51,3%), морская бриза (78,0%), сандаловое дерево (34,5%)*. Преобладание в ассоциативном сознании людей отмеченных запахов свидетельствует о высоком социальном положении первого лица государства, бодрости, естественности и правильности образа жизни. Обонятельное восприятие В.В. Путина иллюстрируется через своеобразные синестетические метафоры запаха, несущие в себе пренебрежительное отношение к некоторым социально-политическим явлениям: *«запах денег», «предвыборная борьба отдает запахом», «запахло жареным», «пахнет деньгами»*.

В языковом сознании граждан отмечается доминирование слов абстрактного характера, которые представлены номинациями существительных, воссоздающих образ сильного лидера: *«твердость», «целеустремленность», «сдержанность», «воля», «ум»*. Акцентирование внимания на личностных качествах В.В. Путина свидетельствует о прекрасном ораторском мастерстве, коммуникативных навыках оратора, отразившихся в восприятии граждан: *«Умный оратор, хорош и остр на язык», «Человек, не читающий по бумаге, однако имеющий готовый ответ на любой вопрос», «Уверенный в себе, способный дискутировать на различные темы»* [46, с. 5-10].

Среди речевых стратегий и тактик В.Р. Муравлева выделяет тактику «апелляция к авторитету», рассматривая ее как одно из средств языкового манипулирования. Автор статьи на основе анализа современных СМИ классифицирует «апелляции к авторитету» по нескольким ключевым параметрам: а) личная форма указывает на определенное лицо, конкретный источник (*«У него имеются надежные связи, прочные отношения с Шойгу, мы ему доверяем»*); б) безличная форма, представленная неопределенными источниками высказывания, аккумулирует народную мудрость, личные или общественные мнения (*«Организаторы предприятия, по мнению трудового*

коллектива, конструктивно подошли к переговорам»); в) отрицательные апелляции содержат негативные характеристики личности с морально-этической, правовой точек зрения («Во время переговоров в МИДе чиновник М. Захарова усомнилась: «А братские ли мы народы?». Для нее анализы крови – пустое»); г) положительные апелляции заключают сведения о лице, его поступках, воспринимаемые в системе общественных ценностей как похвальные («Трамп обещал, что после его ухода многое изменится в стране»); д) нелицетворенные риторические аргументы представлены концепциями, прецедентными текстами (М. Саакашвили опубликовал в Facebook наряду со своим медицинским заключением политический вывод о том, что хорошо знает П. Порошенко и может подтвердить факт того, что он не алкоголик»). Описанные параметры использования средств языкового воздействия в рамках тактики «апелляция к авторитету» акцентируют внимание реципиентов на различных характеристиках конкретного лица, а также иногда служат одним из механизмов ответа на провокации информационной войны [35, с. 153-155].

Интересно рассмотреть особенности репрезентации речевых стратегий и тактик не только в трудах отечественных исследователей, но и в зарубежных источниках. Так, А. Scurtulescu, обращаясь к случаям прямой конфронтации двух политических акторов (на примере состоявшихся в 2006 г. первых президентских дебатов Керри и Буша в США, а также дебата Нэстасе-Бэеску в Румынии), выявляет positive strategies в ходе дискурса. Автор статьи основывается на трех ключевых стратегиях, используемых политиками: критика оппонента (negative strategies), апелляция коммуниканта к самоутверждению путем отсутствия нападки на оппонента (positive strategies), игра на эмоциях избирателей («neutral» strategies). В ходе дискурса на политической арене исследователем выделяются такие типы позитивных стратегий, как:

– аргументация в поддержку своей точки зрения (argumentation to support one's point of view), которая направлена на рациональную составляющую,

объективность говорящего, где точные факты и сведения выдвигаются на обсуждение с целью поддержания обещания. Отмеченная техника формируется на повествовании фактов (formed on the narration of facts), ситуациях или событиях (situations or events), которые интересны оратором на политической арене²;

– самоутверждение (self-assertion) выступает искусством внушения уверенности в себя без необходимости подбора аргументации собственной позиции³;

– выделение своих сильных сторон (highlighting one's strong suits) репрезентируется обособленно, либо совместно с обозначением недостатков оппонента. Техника заключается в оправдании собственной уверенности, выдвижении своих хороших качеств⁴.

Позитивные стратегии, используемые ораторами на политической арене, позволяют «позитивным» образом («positive» way) возвысить собственную позицию, исключая открытую критику и оспаривание позиции оппонента [59, с. 24-30].

В качестве стратегии при парламентских выступлениях в Румынии Răzvan Săftoiu и Carmen Popescu рассматривают «ethnic humor», который способствует формированию идентичности противоречивой политической фигуры. Стратегия этнического юмора позволяет актерам урегулировать конфронтацию в сложных типах взаимодействия. Исследователи, опираясь на статью С. Ilie «European Parliaments under scrutiny introduction», констатируют, что этнический юмор способствует смягчению конфронтации (mitigation of confrontation), упорядочению взаимодействия (orderliness of interaction).

---

² George W. Bush: «*So I went to the United Nations. (...) They passed the resolution the resolution that said, "Disclose, disarm, or face serious consequences"*» (Джордж Буш-младший: «*Так что я пошел в ООН. (...) Они приняли резолюцию, в которой говорилось: "Раскрыть, разоружить или столкнуться с серьезными последствиями"*») [59, с. 25].

³ Adrian Năstase: «*The presidential administration is strong if the President of Romania is a strong man. I have proved, both when I was leading the party and when I was head of the government, that I am a strong man*» (Адриан Нэстасе: «*Администрация президента сильна, если президент Румынии сильный человек. Я доказал, и когда руководил партией, и когда был главой правительства, что я сильный человек*») [59, с. 26].

⁴ Traian Băsescu: «*You probably don't know that I have been Mayor of the Capital for some four years and a half*» (Траян Бэеску: «*Вы, наверное, не знаете, что я уже четыре с половиной года как мэр столицы*») [59, с. 29].

Неоднозначную точку зрения относительно стратегии юмора авторы работы находят в работе Young's. В парламентских дебатах стратегия юмора, с одной стороны, выступает инструментом выражения в смягченной форме агрессии и критики, способствующих укреплению солидарности («fostering solidarity»), а, с другой, ведет к враждебности, которая создает эскалацию беспорядка («escalate disorderliness»)⁵ [58, с. 295-314].

Таким образом, можно заключить, что рассмотрев специфику репрезентации речевых (коммуникативных) стратегий и тактик, мы обнаружили многообразие подходов к их интерпретации и классификации. О сути понятий «стратегии» и «тактики» размышляют Н.И. Формановская, О.И. Иссерс, Т.Р. Ленхобоева, Е.М. Рогожина. Учеными предлагаются различные подходы к возможности классифицировать речевые стратегии и тактики. Так, А.С. Калинина выдвигает целостную систему взаимосвязанных понятий, А.Е. Жижина дает специфические модели манипуляции с целью деформации когнитивной картины мира адресата, В.Р. Муравлева распределяет «апелляции к авторитету» по ключевым параметрам, А. Scurtulescu выделяет типологию positive strategies. Исследованию речевого портрета политического лидера уделяют внимание О.Н. Кондратьева и А.В. Селезнева, соотнося особенности речевого портрета и поведения личности, акцентируя внимание на зоометафорах.

Функционирующие в речи актора стратегии и тактики репрезентируют продуктивные ходы вербального воздействия на слушателя, позволяют выявить типичные и специфические риторические инструменты, которые используются в медиакоммуникативном пространстве.

---

⁵ «We can talk as a family» («Мы можем говорить как семья»).

«The Mafia and the thieves will not beat me to my knees; and we are amazed that there is no big shark in jail» («Мафия и воры не поставят меня на колени; и мы поражены, что в тюрьме нет большой акулы») [58, с. 316].

1.2 Речевые стратегии и тактики в конфликтном дискурсе

Возникающие в современном обществе настроения ненависти, агрессии, цинизма, насилия приводят к неустойчивости общественного мнения, понижают уровень социальной солидарности, дезинтегрируют социум. Это непосредственным образом находит свое отражение в языке СМИ. Информационное воздействие, оказываемое со стороны оппозиционных медиаресурсов, нивелирует в сознании реципиента положительное представление о конкретном политическом деятеле; подвергается критике сформировавшаяся ментальная картина мира целого народа. Рычаги такого влияния на общество просматриваются в языковых механизмах интерпретации реальности, речевой деятельности оратора, лексическом значении единиц высказывания.

Интересно рассмотреть, каким речевым (коммуникативным) тактикам в медиадискурсе уделяют внимание ученые при исследовании стратегии конфронтации. Рассмотрим в хронологическом порядке работы ученых, посвященные изучению конфликтных речевых стратегий и тактик в процессе коммуникации.

В «Кратком политическом словаре» понятие «конфронтация» определяется как «столкновение несовместимых взглядов, противоположных принципов, чреватость которого кроется в опасности эскалации вооруженного конфликта,.. Возникновение данного понятия в словаре связывается с периодом холодной войны, где противостояние враждебных политических систем ведет к дестабилизации ситуации, имея глобальный характер распространения [1, с. 205].

Более развернутую интерпретацию понятия «конфронтация» дает в словаре по «Политологии» А.А. Мустафин. Так, под понятием «конфронтация» (от лат. «con (против)» и «frontis (фронт)») автором статьи понимается «противостояние между государствами в развитии социально-экономического и политического строя, противоборство между

политическими силами в стране, идеологическими принципами, общественно-политическими группировками, концепциями,, [36, с. 65].

Н.И. Формановская в труде «Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход», ссылаясь на К.Ф. Седова, выделяет в конфликтной коммуникации речевого взаимодействия базовые стратегии: рационально-эвристическая (основывается на разуме; отрицательные чувства передаются косвенным путем), инвективная (общение выступает отражением эмоционально-биологических реакций), куртуазная (употребление этикетных форм при общественной коммуникации) [53, с. 59-60].

В работе «Вербальная агрессия» стратегии и тактики конфликтного дискурса Ю.В. Щербининой репрезентируются посредством речевой агрессии, которая связывается с общественной нестабильностью, вызывающей враждебные отношения коммуникантов, что препятствует эффективному речевому общению. Опасность вербальной агрессии связана с широким масштабом распространения и относительно минимальным набором методов разрешения назревшего конфликта. Понятие «речевая агрессия» связано с использованием грубости в речи, передачей отрицательных намерений и чувств в неприемлемой для коммуниканта оскорбительной форме; оно служит для обозначения негативного речевого воздействия и взаимодействия участников общения. Исследователь, изучив специфику конфликтного коммуникативного акта в межличностном отношении, выделила в своей работе 20 способов контроля над речевой агрессией: амортизация; самоотвлечение; игнорирование; поиск альтернатив; прямое порицание вербальной агрессии; косвенное порицание вербальной агрессии; позитив в негативе; прием отсроченного диалога; переключение внимания; шутка, юмор; самонаказание; метод проецирования позитивных поведенческих реакций и личностных качеств; ритуализация негативного высказывания; прямота против агрессивных намеков; прием «предупредительного выстрела»; «проговаривание негативного переживания»; апелляция к жалости; «если не можешь чему-то противостоять

– возглавь это»; привлечение «союзников»; частичное согласие [55, с. 261-274].

Берет за основу исследования текстотип предвыборного агитационного выступления А.В. Антонова, обнаруживая в конфликтно ориентированной речи тактику манипуляции, в которой наиболее частотными выступают метафоры:

– пути и движения (оппоненты воспринимаются путниками, ведущими народ по ложному, безнадежному пути),

– бытовая (симплификация продуцент-политиком путем манипулятивного сообщения в повседневном быту образа конкретного лица, приводящего к его дискредитации),

– фитонимическая (дается «наивная картина мира» личности, которая характеризует как деятельность самого актора, так и его оппонента),

– пространственная (иллюстрация продуцентами-манипуляторами в координате «низ» символического пространства негативных помыслов, «грехопадения» оппонентов, передающихся в прилагательных «низменные», «низкие» («низкие поступки», *low trick* («низкий трюк»), «низменные ощущения»)),

– этноспецифическая (эксплуатация определенной этнической группой культовых образов).

Тактику манипуляции автор статьи находит в средствах передачи речеактовых интенциональных компонентов таких языковых метафор, как:

– «*a ticking council tax time bomb*» («бомба замедленного действия налогового совета»), где «*bomb*» выступает фреймом угрозы, опасности физического существования;

– «*to fill black hole*» («заполнить черную дыру») служит фреймом отрицательной оценки, страха («*black*»), тревоги («*to fill*»), ведущими в тупик («*hole*»);

– «*to increase the burden*» («увеличить ношу») служит фреймом угрозы самосохранения в трудных условиях [2, с. 50].

В качестве одной из коммуникативных стратегий и тактик создания конфликтной ситуации О.А. Филиппова рассматривает речевую агрессию (некорректные выражения, неприличную брань) в оппозиции с понятием «речевая толерантность», которая способствует налаживанию доброжелательного отношения, признанию чужой позиции в процессе коммуникативного противостояния, враждебно проявляемого мнения. Активизация речевой агрессии осуществляется в процессе расширения границ языковой свободы высказываний, содержащих в себе отрицательно-оценочные слова, грубые, резкие, просторечные и инвективные лексические средства. Намеренно провоцируемая путем словесного «вызова» речевая агрессия, выступает одним из инструментов навязывания личного мнения, включает в себе отрицательные вербальные действия, которые нарушают коммуникативный этикет и культуру общения [52, с. 88-92].

Г.А. Шмакова исследует интервью В. Познера, выделяя в нем частотность употребления стратегий конфронтации в процессе опроса респондента, которые обусловлены личностной составляющей коммуниканта, их взаимоотношением, темой дискуссии. Столкновение противоположных позиций собеседников не приводит их к взаимопониманию. Выбор стратегии конфронтации эксплицируется: установкой неприятия одним из участников общения точки зрения другого участника; доминированием над другим; различием позиций, выражаемых в полемике; позиционно-смысловой дистанцией; разрушением норм речевого этикета общения, ведущих к дисгармоничным связям. Анализ интервью В. Познера позволяет автору работы выделить стратегии некооперации, отрицания, конфликта, дивергентного сознания. Конфронтация отмечается при построении противоречивых, резких вопросов собеседнику, которые сознательно провоцируют на спор. Конфликтный дискурс создается журналистом путем

использования приема спора, имеющего негативно-оценочные коннотации (например, интервью с Тиной Канделаки)⁶ [54, с. 193-195].

Концептуализируют конфликтный дискурс в Сирии 2015-2016 гг. Э.В. Будаев и В.В. Тихонов, анализируя зооморфные метафоры в российских и американских СМИ как особый политический инструмент. Зооморфные метафоры позволяют раскрыть дифференциальную мотивационную направленность участников конфликта, выраженную посредством метафорических моделей в информационном противостоянии. Изучив языковые единицы, исследователям удалось выявить метафорическую модель («Сирийский конфликт – это мир животных»), включающую в себя такие фреймы, как: «действия животных», «место обитания животных», «состав царства животных». Во фрейме «состав царства животных» путем употребления лексемы «bear» зооморфная метафора с негативной стороны описывает образ России, тактическая цель которой состоит в дегуманизации личности оппонента: «*Why the US in Syria is obliged to dance with a Russian bear?*» («По какой причине США в Сирии обязан плясать с российским медведем?»). Во фрейме «действия животных» агрессивно-прагматическая направленность сторон сирийского противостояния передается метафорами негативной окраски «*to bristle*» («ощетиниться»), «*to bite*» («кусать»), репрезентирующими выбор стратегии конфронтационного пути в дискредитации президента РФ: «*Putin bristled at Ukraine in 2015, but at Syria today*» («Путин ощетинился на Украину в 2015 году, а на Сирию сегодня»). В контексте сирийской конфронтации зооморфные метафоры позволяют обнаружить концептуальные векторы жестокости и агрессии, передающиеся лексемами «*травить*», «*столкнуть*», «*охота*», что эксплицитно отражает в ходе политического дискурса тактику эскалации военного конфликта: «*Стратегическая цель США – столкнуть всех со всеми*» [7, с. 44-47].

---

⁶ В. Познер: «В своем блоге вы рассказывали довольно смешную историю о том, как в школе вас дразнили «Тинкой болотной» «...» Ксения Собчак ныне называет вас «болотным оборотнем» – вы в курсе?» [54, с. 195].

В речевых высказываниях В.В. Жириновского конфликтная направленность политического дискурса рассматривается А.Е. Жижиной с позиций отрицательной коммуникации, оказывающей воздействие на адресата. Применяемые в отрицательной стратегии лексические средства с негативной коннотацией, имеют в основе своей установку на конфликт. Это находит свою реализацию в таких тактиках, как:

- тактика оскорбления, которая заключается в эмоционально составляющем элементе унижения адресата⁷;
- тактика обвинения репрезентируется раскрытием неблагоприятного поведения адресата, приписывания несвойственного поведения или признания его вины⁸;
- тактика обличения раскрывается в уличении деяний преступного характера, обнаружении виновности путем констатации имеющихся фактов⁹;
- тактика иронизирования осуществляется посредством контраста эксплицитно выраженного высказывания и имплицитно заключенного в него смысла¹⁰ [16, с. 265-268].

Исследователи прослеживают в региональных передачах Бурятии реализацию стратегии «конфронтация», указывая на преобладание в них тактик моделирования сценариев и ситуаций, доминирования в беседе, применения провокационных вопросов. Тактика провокационных вопросов применяется с иллюкутивной силой вызвать открытый импульсивный резонанс, что находит свое отражение во время употребленной в программе «Максимальный эффект» с ведущим Максимом Дашинимаевым вопросительной конструкции с эпитетом «*французский бомж*»¹¹.

---

⁷ «Чубайс – глава администрации. Чубайс – враг!» [16, с. 265].

⁸ «В Афганистан мы вошли с армией – этого не надо было делать! ...Но если вошли, уходить не надо было! Одна ошибка – входим в страну, другая – выходим!» [16, с. 265].

⁹ «Они смеются над нами, они издеваются, русский язык запрещают по всему миру. Что, значит, они делают? Сегодня, значит, убивают русских. ...И вот, гуманитарную помощь им отправляете! Это что, Россия?» [16, с. 265].

¹⁰ «У нас миллионы добровольцев могли бы там повоевать. ...И сказать ваше «Ни шагу назад!» вот Луганск, Донецк и дальше до Одессы и Приднестровья. Все пропадут ночью и днем лишь бы не вернуться в наши тюрьмы!» [16, с. 267].

¹¹ «У нас в гостях фотограф Сергей Акинфиев. Сам он себя недавно в Instagram представил как французский бомж. Серега, а почему французский бомж?» [31, с. 207].

Установление дружественного контакта дискурса посредством использования личного местоимения «ты», экспрессивно уменьшительной формы имени «Сергея» дает ведущему возможность озвучить «острые вопросы», приводящие к скованности собеседника. Используемые в тактике моделирования сценариев и ситуаций провокационные вопросительные конструкции («...будешь пользоваться спросом?», «...перестало приносить денегжат?»), служат возникновению коммуникативного противоречия. Тактика прерывания речи участника дискуссии имеет цель понижения статуса собеседника и создание контрарного отношения, передающихся в лексеме с отрицательной оценкой «шняка»¹² [31, с. 205-208].

С позиций речевых стратегий и тактик конфликтного дискурса важно проанализировать специфику трудов не только отечественных исследователей, но и зарубежных ученых. В этом ключе интересна статья G. Kuipers «The sociology of humor», в которой источником возникновения реального конфликта при парламентских дебатах служит юмор. Под понятием «humor» автор, скорее всего, имеет в виду «насмешку», «иронию», «сарказм». Стратегия юмора, выступая инструментом политической атаки, выражается в агрессивном подтексте (aggressive overtones), оскорблении (insult), критике (criticism), высмеивании оппонентов (ridicule opponents), что в свою очередь разжигает спор, создает враждебные отношения. Это позволяет актерам обострить конфронтацию в сложных типах взаимодействия. Юмор автором работы интерпретируется, как специфическая форма оружия (humor as a weapon), способ нападения (method of verbal attack), выказывающие сопротивление и агрессию [57].

D.L. Abusyarova на основе конфликтного дискурса исследует разновидности стиля коммуникативного поступка. Проявление лингвистического конфликта находит отражение в игнорировании интересов коммуникантов во время беседы, а также в расхождении целей партнеров по

---

¹² «– Это все готовится, я...

– Согласен, что треки, которые у тебя лежат сейчас, шняка?» [31, с. 208].

общению, вербализации эгоцентрических интенций. Исследуемый ученым речевой конфликт (the speech conflict) функционирует в виде фреймовой структуры, раскрывая особенности формирования негативного коммуникативного пространства. Стратегия конфронтации определяется через понятие неэкологическое общение (non-ecological communication), конструктивными инструментами выражения которого выступают ненормативная (substandard), вульгарная лексика (vulgar language), жаргонная (jargon) и нецензурная брань (foul language) деятелей государственной власти, которые ведут к деструктивному исходу конфликта [56, с. 157].

В соавторстве со своими коллегами M.R. Zheltukhina рассматривает the strategy of conflict в качестве одного из ключевых элементов медийно-политического блока речевых стратегий и тактик. The strategy of conflict представлена в работе тактиками разоблачения и противостояния (the tactics of exposing and opposition), которые направлены на дискредитацию, подрыв авторитета политического оппонента (discrediting, undermining the credibility of the political opponent). Они выступают показателем проявления политиками во время дебатов «verbal aggression». Применительно к the strategy of conflict «verbal aggression» проявляется в навешивании ярлыков (labeling), угрозах (threats), провокационных вопросах (provocative questions), инвективах (invectives (insults)), нагромождениях невысказанных обвинений (piling up unspoken charges), насмешках (ridicule)¹³ [61, с. 643-646].

Таким образом, можно констатировать, что на основе проведенного учеными исследования конфликтного дискурса, мы обнаружили многосторонние подходы к интерпретации и классификации функционирующих в ней речевых стратегий и тактик. На основе анализа конфликтного коммуникативного акта в межличностном общении учеными были предложены 20 способов контроля речевой агрессии. На

---

¹³ «My white grandmother once confessed her fear of black men who on more than one occasion has uttered racial or ethnic stereotypes... («Моя белокожая бабушка однажды призналась в своем страхе перед чернокожими мужчины, которые не раз высказывали расовые или этнические стереотипы...») [61, с. 645].

коммуникативно-прагматическом уровне Н.И. Формановская и К.Ф. Седов выделили типологию базовых стратегий конфликтной коммуникации. А.В. Антонова, Э.В. Будаев и В.В. Тихонов в концепте стратегии конфликтного дискурса выявили зооморфные метафоры, метафоры тактики манипуляции. Исследование the strategy of conflict зарубежные ученые осуществили посредством стратегии юмора, фреймового компонента, репрезентирующих лексические средства отрицательной коннотации.

1.3 Речевые стратегии и тактики, направленные на консолидацию общества

Распространение в современных масс-медиа провокационных утверждений, агрессивной риторики политических деятелей создает атмосферу напряженности и конфронтации в обществе. Осмысление специфики дипломатического способа противостояния речевой агрессии, методам эскалации языковой вражды, механизмам манипулятивного психологического давления требует выявления коммуникативных приемов, которые использует оратор с целью консолидации общества, соблюдения культуры уважительного диалога, достижения духа сотрудничества.

Интересно рассмотреть, каким речевым (коммуникативным) тактикам в медиадискурсе уделяют внимание ученые при исследовании стратегии направленной на сплочение, кооперацию социума. Рассмотрим в хронологическом порядке работы ученых, посвященные изучению консолидирующих речевых стратегий и тактик в ходе дискурса.

В «Кратком политическом словаре» понятие «консолидация» (от лат. *consolido* – поддерживать) истолковывается как “единая логическая конструкция сплочения с целью усиления деятельности в борьбе с общими стремлениями,.. Под словосочетанием «политическая консолидация» в словаре понимается “способность к кооперации прогрессивно настроенных группировок на пути противостояния с реакционными силами,.. Выступая

процессом объединения социума, консолидация приводит к взаимосвязи близких общественных группировок по признаку языковой, культурной, религиозной составляющей [1, с. 184].

Более лаконичную интерпретацию понятия «консолидация» дает в словаре по «Политологии» А.А. Мустафин. Так, «консолидация» (от лат. «consolidation» – укрепление, упрочение) трактуется как “процесс объединения с целью достижения общей для определенной группы лиц, организации цели,». Автор словаря указывает на такие разновидности консолидации, как: этническая (сближение многонационального народа), социально-политическая (единение социальных группировок, политических партий) [36, с. 63].

Н.И. Формановская рассматривает контрарное по отношению к конфронтации (разногласие) понятие «консолидация» (согласие) как неотъемлемый компонент общения. В основу коммуникации исследователем ставится задача достижения стратегии консолидации. В отличие от конфликтного общения, которое по своей природе деструктивно, служит источником ссоры, брани, ругани, регулирующих речевое поведение человека, кооперативное (консолидация) общение конструктивно, направленно на создание дружественного контакта, согласия [53, с. 49-50].

А.С. Воронович рассматривает апелляцию к авторитету как один из эффективных коммуникативных ходов, в котором ссылки на прецедентные тексты, изречения известных исторических личностей, видных политических деятелей усиливают собственную коммуникативную позицию оратора, лишая реципиента критического восприятия и осмысления мира. Это позволяет реализовать в речевом действии намеченную коммуникантом стратегическую цель. Автор работы, анализируя тактику апелляции к авторитету, выявил особенности семантической составляющей глаголов, выделил «деятельностную» и «вербальную» апелляции. «Деятельностные апелляции» обнаруживаются в лексико-грамматических конструкциях, указывающих на отсылку в публичной речи к речевому действию третьих лиц («Граф

Цинцендорф умерил и сконцентрировал требования для церковного единения, что в свою очередь обратило римско-католическую церковь к нам с прошением: нет ли с нашей стороны ослабления»). «Вербальные апелляции» осуществляются посредством прямого и косвенного цитирования личностей, которые ведут оратора к речевому багажу знаний «авторитетного лица» («Отсутствуют какие-либо признаки, – резюмирует Соловей, – что Россия сможет отказаться от своих политических целей на международной арене») [8, с. 39-41].

Д. Иоакимиди, рассматривая в современном информационном пространстве риторические особенности публичной речи политика (на примере В.В. Путина), прослеживает риторизацию политической культуры, которая выступает основным инструментом консолидации общества политическим лидером. Выбрав в качестве анализа речь В.В. Путина на пресс-конференции 19 декабря 2013 г., исследователь отмечает частотные случаи употребления тактики акцентирования, посредством которой президент выделяет конкретное высказывание в своей речи. Это подтверждается использованием глагольных лексем («полагаю», «считаю», «повторяю»), модальных наречий с неопределенной формой глагола («нужно + использовать и развивать», «не нужно + думать»). Наличие риторических фигур речи служит выражением утверждения вопрошаемых действий («В Европу будет продавать?». «Мы разве против ассоциации?»). Автор работы прослеживает переход в речи президента к тактике указания на перспективу решения проблем, передающей стратегические цели, позиции в урегулировании острых вопросов. Речевое поведение главы государства служит призывом к сотрудничеству, сплочению усилий в проблеме борьбы с общими трудностями [21, с. 9].

Г.А. Шмакова рассматривает интервью В. Познера, выделяя в нем в процессе опроса респондента частотность употребления стратегии сотрудничества, которые обусловлены личностной составляющей коммуниканта, их взаимоотношением, темой дискуссии. Направленность

интервьюера на поиск единых смыслов с собеседником способствует благополучному развитию коммуникативных отношений, достижению намеченных целей. В структуре консолидации происходит «наслаивание смысла на смысл», «образование коридора голосов», которые усиливают взаимопонимание между коммуникантами.

Стратегия консолидации или «развития диалога согласия» репрезентируется автором работы установкой принятия одним из участников коммуникации позиций другого путем толерантности, согласования точек соприкосновения, синтеза смысловых позиций. Схожесть позиций, обоюдность сторон взаимоотношения с собеседником в репликах выстраивается конвергентным типом коммуникации, который расшатывает конфронтационную манеру диалога. Консолидация (партнерство, сотрудничество) как одна из стратегий межличностного взаимодействия является направлена на установление доверия, поддержание контакта с собеседником, при которой высоко оцениваются коммуникативные возможности последнего. Стратегия консолидации реализуется журналистом в процессе общения с собеседником через прием создания положительного настроения, завоевания доверия, выражения внимания, высказывания комплиментов и оглашения абстрактных вопросов. Данные приемы оказываются устремлены на установление взаимопонимания с коммуникантом, сотрудничество (например, интервью с Тиной Канделаки)¹⁴ [54, с. 193-195].

Категория «консолидации» репрезентируется в конъюнктивном дискурсе В.В. Путина различными стратегиями, которые позволяют обнаружить транслируемый в социум комплекс консолидационных ценностей, формирующих необходимый тип солидарности в обществе.

---

¹⁴ В. Познер: *Я хотел вас назвать по имени-отчеству – Тинатин Гивиевна, но решил, что, наверное, не надо. Позвольте вас называть Тиной?*

Т. Канделаки: *Вы знаете, приятно, потому что редкий человек может одновременно выговаривать и мое имя, и мое отчество.*

Т. Канделаки: *Есть такие люди, которые, полагаю, считают меня выскочкой, и для них неожиданно, что я сегодня у вас в гостях.*

В. Познер: *Я им сказал, что мне интересно с вами разговаривать* [54, с. 195].

Рассматривая консолидирующую риторику президента РФ, О.В. Захарова выявляет использование им в речи определенных языковых средств. Так, желание противостоять угрозам выражается в лексическом повторе глаголов («выжить», «сохранить», «противостоять»), идентифицирующих необходимость консолидации с целью сбережения духовной составляющей и национальной самобытности русского народа. Стремление лидера нации в консолидирующих призывах к объединению с большинством, укреплению государственного суверенитета передается в адъективных словосочетаниях («гражданская ответственность», «конструктивное сотрудничество», «взвешенная критика», «максимальная забота», «высочайшая ответственность»)¹⁵ [20, с. 35-37].

В.А. Роменский совместно со своими коллегами, исследуя метафоры, употребляемые лидером страны (В.В. Путиным) в ходе политического дискурса раскрывает стратегию кооперативной направленности его действий. Авторы работы, ссылаясь на А.В. Антонову, классифицируют метафоры, употребляемые лидером государства на политической арене, что способствует выявлению избранной им тактической цели. Так, классификация включает в себя следующие метафоры: зооморфная, катаклическая, военная, фитонимическая, соматическая, метафора пути и движения, этноспецифическая, бытовая, техническая. На основе осуществленного анализа исследователи выявили, что в выступлениях президента РФ частотными являются: 1) военные метафоры – 13,2 %, их тактическая цель кроется в защите национальной целостности («бряцать оружием», «на переднем рубеже борьбы», «мощный кулак»): «Мы не будем бряцать оружием», «Нам необходимо создать один мощный кулак»; 2) технические метафоры – 10,5 %, их тактическая цель направлена на демонстрацию точности, упорядоченности и слаженности в работе аппарата управления («серые схемы», «импульс деловых связей», «контуры мировой экономики»):

---

¹⁵ «Нужно проявлять максимальную заботу об общих моральных ценностях и на этой базе консолидировать российское общество. Считаю это абсолютным приоритетом» [20, с. 37].

«Прослеживаются изменения в контурах мировой экономики»; 3) бытовые метафоры – 18,5 %, их тактическая цель направлена на формирование ассоциативной модели мира (*«плохие долги», «набивать карман», «мимо кассы»*): *«Кто в США набивает личный карман», «Мы не должны допустить того, чтобы доходы государства ушли мимо кассы»*; 4) метафора пути и движения – 10,5 % , их тактическая цель заключается в избрании верного пути развития (*«уроки прошлого», «открыть дорогу», «сползти в демографическую яму»*): *«Уроки прошлого должны быть для нас ярким образцом»* [45, с. 931-932].

Л.В. Балашова, анализируя 48 текстовых документов президента РФ, которые содержат в себе обращения к народу России, выделяет артефактную (механистическую) модель когнитивной метафоры. Она выражена субстантивами, именуемыми созданные человеком орудия труда (*«ручной режим», «инструмент», «цепочка», «мотор», «автоматические часы»*)¹⁶. Частотными в речи президента являются переносные значения в подгруппах «ядерных лексем»: *«мощность»* – 10, *«работать»* – 18, *«наладить»* – 9, *«сбой»* – 9, иллюстрирующие взаимодействие техники и человека¹⁷.

Используемые в речи В.В. Путина когнитивные модели стертых механистических переносов направлены на народное единство, согласованность действий в различных направлениях деятельности. В стертых механистических метафорах (*«донастройка», «исправить», «перенастроить»*) подчеркивается важность оперативного и коллективного взаимодействия с целью стабилизации сложной обстановки: *«Если перед нами появятся какие-либо сложности, необходимо будет их исправить»* [5, с. 13-18].

---

¹⁶ *«Прошу сообщить, как отлажен механизм предоставления такой помощи, насколько он понятен и удобен для бизнеса»* [5, с. 14].

¹⁷ *«Уже сейчас ... консолидировать под них нужные ресурсы, чтобы мы могли развернуть такую программу на полную мощность, согласованно, синхронно с поэтапным выходом из эпидемиологической обстановки и связанных с нею ограничений»* [5, с. 14].

С позиций речевых стратегий и тактик важно проанализировать специфику консолидирующего дискурса в трудах не только отечественных исследователей, но и зарубежных ученых. В этом ключе интересна работа D.L. Abusyarova, где на основе кооперативного дискурса исследуются разновидности стиля коммуникативного поступка. В качестве тактик коммуникативной стратегии координации автор выделяет: конформизм (модально-тональная нейтральность согласованности); консенсус (иллокутивно-модальная согласованность); полемика (иллокутивно-нейтральная модальность согласованности). Стратегия консолидации определяется через понятие «экологическая коммуникация» (ecological communication), конструктивными инструментами выражения которой выступают положительный дружеский тон (positive friendly tone), вежливость (courtesy), речевой этикет (speech etiquette), избегание негативных оценок (avoid negative evaluations), способствующие смягчению конфликтного речевого поведения [56, с. 156-157].

В соавторстве со своими коллегами M.R. Zheltukhina рассматривает the strategy of cooperation в качестве одного из необходимых элементов медийно-политического блока речевых стратегий и тактик. Использование в СМИ главой государства, лидером политической партии тактики коммуникативного взаимодействия (tactics of communicative interaction) заключается в обсуждении путей совместного решения общих проблем. Стратегия речевого взаимодействия (the strategy of speech interaction) основывается на употреблении конкретного набора вербальных (verbal) и невербальных приемов (non-verbal methods) с целью достижения определенных коммуникативных задач. Реализации стратегии сотрудничества (the strategy of cooperation) способствует тактика интеграции (tactics of integration), позволяющая создать психоэмоциональную атмосферу согласованности [61, с. 640-643].

Таким образом, можно резюмировать, что, рассмотрев различные исследовательские работы, мы обнаружили различные конструктивные

механизмы, коммуникативные приемы выражения речевых стратегий и тактик, ведущих к консолидации социума. Анализ учеными когнитивных моделей стертых механистических переносов в речи В.В. Путина репрезентирован субстантивами, указывающими на народное единство, оперативное и коллективное взаимодействие. Д. Иоакимиди, О.В. Захарова акцентируют внимание на необходимости исследования основных инструментов консолидации («развития диалога согласия») общества политическим лидером при помощи языковых средств, речевых механизмов, риторических фигур. Выявив тактическую цель лидера страны (В.В. Путина), В.А. Роменский, Л.Ю. Зубова, А.В. Антонова предложили классифицировать метафоры, функционирующие в его речи, на зооморфные, военные, этноспецифические, бытовые и др.

Зарубежные исследователи с различных позиций подошли к осмыслению понятия «the strategy of cooperation». Так, D.L. Abusyarova предложила исследовать cooperation strategy через феномен «ecological communication», которая выражена в приемах положительного дружеского тона (positive friendly tone), речевого этикета (speech etiquette) вежливости (courtesy) и др.

M.R. Zheltukhina раскрыла специфику the strategy of cooperation посредством анализа конкретного набора вербальных (verbal) и невербальных приемов (non-verbal methods), выявив тактическую цель актора в ходе коммуникации.

Глава 2 Лингвистические и риторические средства, отражающие коммуникативные стратегии конфронтации и консолидации в речи политического лидера страны

2.1 Приемы преодоления речевой агрессии в политическом диалоге

В первой главе мы рассмотрели и проанализировали многообразные лингвистические, психолингвистические и лингвопрагматические подходы, связанные с классификацией, функционированием речевых тактик и стратегий конфронтации и консолидации в процессе коммуникативного акта. Выявление языковых средств, лексико-семантических особенностей, речевых механизмов, риторических фигур как набора вербальных действий выражения коммуникативной интенции актора выступает важным аспектом исследования высказываний главы государства (В.В. Путина). Важно знать, какие речевые стратегии и тактики, эксплицитным или имплицитным образом направленные на конфликт или сотрудничество, использует лидер российского общества. С лингвокогнитивной, коммуникативно-прагматических позиций это дает возможность определить коммуникативный потенциал избранной актором в ходе политического дискурса речевой стратегии.

Тема, связанная с изучением приемов преодоления речевой агрессии в процессе политического диалога, исследована в научных работах довольно широко и многоаспектно. Однако в информационном пространстве постоянно появляются новые факты, требующие осмысления и лингвопрагматического анализа. В связи с распространившимся в масс-медиа провокационными утверждениями президента США Джо Байдена, создающими атмосферу напряженности и конфронтации в обществе, актуальным представляется анализ ответных высказываний В.В. Путина, репрезентирующих речевые приемы межкультурного диалога, коммуникативные механизмы противостояния вербальной агрессии в современном информационном обществе.

В настоящее время глобальное информационное пространство отражает процессы искажения и генерации необходимых источников данных, которые оказывают существенное речевое воздействие на каждого члена общества, ведя к деформации культурно-нравственной картины мира, разрушению духовных ценностей, закладыванию в сознании граждан мнимых целей общественно-политического развития страны. Рычагами такого влияния на социум выступают механизмы речевой агрессии: путем вербального воздействия на массового адресата некоторые политики добиваются резкой эскалации конфликта в непрекращающейся информационной войне. Становится заметно как в ходе диалога ведущих глав государств сходит на нет эталонная политическая речь, и начинает доминировать язык вражды. Для того, чтобы понять какова специфика дипломатического способа противостояния речевой агрессии, методам эскалации языковой вражды, механизмам манипулятивного психологического давления необходимо выявить коммуникативные приемы, которые использует, например, президент РФ с целью консолидации общества, сохранения самобытной русской ментальности и поддержания духовно-нравственного кода, объединяющего нацию.

В связи с адресованным Джо Байденом президенту РФ оскорбительным утверждением во время дачи интервью каналу ABC News важными и интересными с лингвистической и лингвопрагматической точек зрения представляются ответные речевые произведения В.В. Путина, репрезентирующие коммуникативные приемы как эффективные ответные реакции, которые противостоят провокационным и оскорбительным выпадам главы государства США. Существуют ли в сложившейся геополитической обстановке современного информационно-коммуникативного пространства механизмы контроля речевой агрессии? Проанализируем текст выступления В.В. Путина, в котором он дает разъяснения по поводу столь суровых слов, адресованных ему (стенограмма речи президента, прозвучавшей на видеоконференции с представителями общественности Крыма и Севастополя

по случаю празднования седьмой годовщины воссоединения с Россией). Выявим коммуникативные приемы, лексические средства и семантические компоненты, функционирующие в ответной речи президента, направленные на нивелирование вербальной агрессии противоположно настроенного главы другого государства.

Так, комментируя ассертивное речевое высказывание Джо Байдена «— *Uh-huh. I do (М-м-м, да, считаю)*» в ответ на вопрос журналиста «*So you know Vladimir Putin. You think he's a killer? (Итак, вы знаете Владимира Путина. Вы считаете его убийцей?)*», В.В. Путин использует прием проецирования позитивных личностных качеств и поведенческих реакций [60]. Он выделяет положительные качества своего оппонента посредством лексических конструкций «*моего американского коллеги*», «*лично знакомы*», отмечая, что не имеет вражеских намерений и не считает своего оппонента врагом: «*Теперь что касается заявления моего американского коллеги: мы действительно, как он сказал, с ним лично знакомы*» [10]. Использование частицы условного наклонения («*что бы ответил*», «*я бы сказал*», «*хотел бы*») наряду с фразеологизмом «*будьте здоровы*» в приеме отсроченного диалога репрезентирует искренние пожелания президента в ответ на агрессивную словесную реакцию в период пандемии и глобальных государственных проблем. Положительная иллокутивная сила высказывания усиливается конструкцией с предлогом «*без*», имеющим семантику лишения («*без иронии, без шуток*»): «*Я бы сказал ему «будьте здоровы». Я желаю ему здоровья. Говорю это без иронии, без шуток*» [10]. Имплицитная основа декларативного высказывания заключается в том, что президент, предполагая, что его американский коллега находится в душевно и морально гармоничном состоянии, желает ему здоровья, чтобы здраво выражаться в разумно мыслящем обществе. А в этом можно усмотреть и некоторый мягкий ироничный подтекст.

В эксплицируемых оппозиционных лексемах «*другого*» — «*себя*», «*мы*» — «*другие*», «*мы*» — «*он*», «*они*» — «*мы*», «*такой*» — «*другой*», используется

прием «психологического айкидо» (амортизации), который выражает отличность русской языковой картины мира, традиционных религиозных ценностей, национальных интересов от американских основ жизни: *«Хоть они и думают, что мы такие же, как и они, но мы другие люди, у нас другой генетический и культурно-нравственный код...»* [10]. Употребляя глагольные формы 1-го л. мн. ч. (*«оцениваем других людей», «перекладываем на другого», «оцениваем даже другие государства, другие народы»*), В.В. Путин говорит не о себе и не о народах своей страны, а проецирует высказывания на своего собеседника, как бы раскрывая его мысли. Такова косвенная интерпретация: не нужно перекладывать на другого то, о чем ты думаешь и кем являешься сам (*«Но когда мы оцениваем других людей или когда оцениваем даже другие государства, другие народы, мы всегда смотримся как будто в зеркало, мы всегда там видим себя, потому что перекладываем на другого человека то, чем мы сами дышим, чем мы являемся по сути»*) [10]. Эта коммуникативная позиция также подтверждается апелляцией к поговорке *«кто как обзывается, тот так и называется»*, свойственной детской аудитории, шуточная форма которой «гасит» речевую агрессию. Посредством приема ритуализации негативного высказывания президент РФ разрушает созданный инвектором негативный образ врага-убийцы.

В речи президента РФ широко представлены отвлеченно-обобщенные существительные: *«отношения», «интересы», «дружба», «мир», «жизнь»*. Подбор таких существительных репрезентирует тактику поиска альтернатив, которая связана с воссозданием говорящим позитивной стороны развития хода событий в негативно настроенной политической верхушке, стремлением к консенсусу противоположных позиций, консолидацией общества. Эта цель выражается и в декларативных глагольных конструкциях: *«будем с ними работать», «будем развивать отношения», «будем на них опираться»*, раскрывающих, несмотря на оскорбление и санкции, прямоту намерений (*«дружественных акций»*) лидера нации против агрессивных намеков американского истеблишмента: *«...очень много честных,*

порядочных, душевных людей, которые хотят жить с нами в мире и дружбе, мы знаем об этом и дорожим этим, и будем на них опираться в будущем...», «И мы будем с ними работать, но в тех областях, в которых мы сами заинтересованы...» [10]. Эти ответные речевые конструкции свидетельствуют об умении В.В. Путина вести диалог в рамках лингвистической безопасности.

Использование В.В. Путиным дифференциальных коммуникативных приемов, позволило ему достичь необходимого перлокутивного эффекта, вызвав ответную реакцию инициатора дистантного диалога: *«Уверен, что мы поговорим в какой-то момент» [4]. Иллокутивная сила высказываний президента РФ убедила инвектора (Джо Байдена) в том, что адресованное им инвектуму (В.В. Путину) ассертивное высказывание недействительно, так как никто бы из лидеров государств не вступил бы в диалог с «убийцей».*

В ответ на оскорбляющие президента открытые вербальные высказывания были опубликованы на просторах интернет сайтов серии шуточных мемов в поддержку политики консолидации общества. В рамках этого жанра иронии чести показано, как В.В. Путин, выступая в роли «крутого парня», целится в Джо Байдена со словами: *«Желаю ему здоровья», «Будь здоров, не кашляй!», «Кто как обзывается, тот так и называется. Ты тут новичок старый стручок» [25]. Созданные реальными людьми интернет-мемы, разрушают целенаправленно применяемые оппонентом механизмы резко агрессивного речевого воздействия, способы дестабилизации хрупкого мира гражданского общества, ищущего пути преодоления разногласий.*

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в политическом диалоге необходимо использовать широкий спектр вербальных приемов, позволяющих преодолеть конфликтное речевое поведение и конфронтацию. Анализ лингвистических средств, использованных В.В. Путиным в диалоге с Джо Байденем, позволил выявить эффективные способы контроля речевой агрессии. Из двадцати предложенных в классификации Ю.В. Щербининой способов активно используются следующие приемы: проецирование позитивных личностных качеств,

амортизация, поиск альтернатив, прием отсроченного диалога, юмор, ритуализация негативного высказывания, прямота против агрессивных намеков, привлечение «союзников». Апелляция к конкретным коммуникативным приемам противостояния речевой агрессии, позволяет установить мотивы и интенции участников общения, выявить истинные цели «человека говорящего». Речевые приемы президента РФ как оратора, осознающего свою ответственность за высказывания в дипломатическом пространстве, носят консолидирующий характер, они отражают намерение сплотить людей вокруг нравственных ценностей на основе общей картины мира, предполагающей поиски общих смыслов, не исключая частных национальных интересов.

2.2 Апелляция к авторитету как речевая тактика политического лидера для обозначения границ конфронтации и консолидации в межкультурной коммуникации

Тема, связанная с изучением речевой тактики «апелляция к авторитету» в выступлениях политического лидера, исследована в научных трудах довольно широко и многоаспектно. Однако с лингвопрагматической точки зрения актуальным представляется анализ языковых и риторических средств аргументации как одной из функциональных основ механизма вербального поведения, инструмента воздействия на реципиентов в процессе межкультурной коммуникации с целью реализации определенных политических целей. Интересно рассмотреть в ходе межкультурного дискурса речевую тактику «апелляция к авторитету» (на примере высказываний президента РФ), позволяющую наметить границы стратегий конфронтации и консолидации. Важно выявить специфику функционирования такой тактики риторической аргументации в речевых высказываниях В.В. Путина, анализируя «ссылки на авторитетные лица».

В настоящее время транслируемая медиаресурсами информация оказывает существенное воздействие на общественное сознание, эмоциональную сферу путем многократного цитирования высказываний видных политических деятелей, использующих особые риторические инструменты регулирования социума. Такие риторические средства в высказываниях политических лидеров выступают не в качестве украшения речи, а превращаются в ходе межкультурной коммуникации в речевую тактику убеждения, ведя, с одной стороны, к налаживанию международного сотрудничества путем сплочения сил в решении глобальных проблем, а, с другой, – к зарождению деструктивных ответных действий, обострению конфликтных ситуаций. Используемые в речи некоторых оппозиционных государственных деятелей при тактике «апелляция к авторитету» реминисценции, аллюзии, цитаты, прецедентные имена, воспринимаются реципиентами как агональные стратегии современной политической риторики, которые имеют в основе своей демагогические приемы, создающие иллюзию правоты. Однако эти же приемы могут служить цели конструктивного общения. Для того, чтобы понять коммуникативную специфику использования на современной политической арене речевой тактики «апелляция к авторитету», например, президентом РФ, необходимо выявить цели (интеграция усилий в борьбе с глобальными проблемами, или создания единого стабильного миропорядка), лингвистические и риторические средства аргументации в содержательно-плановом процессе межкультурной коммуникации.

Важным и интересным средством коммуникативного воздействия с лингвистической и риторической точек зрения выступают речевые тактики «апелляции к авторитетному лицу» в публичных выступлениях В.В. Путина как эффективные аргументационные методы коммуникации, позволяющие обозначить «красные линии» конфронтации и консолидации в межкультурном пространстве. Проанализируем тексты выступлений главы государства РФ, в которых он апеллирует к авторитетным позициям культовых зарубежных

личностей в различные периоды руководства страной (стенограммы речи президента, прозвучавшие во время посланий Федеральному Собранию, ответов на вопросы в ходе прямой линии, выступления на заседаниях Валдайского клуба). Выявим коммуникативно-прагматические и риторические приемы, лингвокогнитивные механизмы речевого акта, лексические средства и семантические единицы, функционирующие в вербальных апелляциях президента к зарубежным деятелям и классикам, направленных на сближение с культурным наследием иных народов, на переубеждение негативно настроенных оппонентов.

Так, в послании Федеральному Собранию 2021 г. В.В. Путин вспоминает сборник рассказов Р. Киплинга «Книга джунглей», сравнивая страны-агрессоры с отрицательными образами персонажей джунглей – Шер-Хана и Табаки. Это ассоциативная параллель с установившимися отношениями на современной международной арене: *«Вместе с тем недружественные акции и в отношении России также не прекращаются. В некоторых странах завели пренебрежительный обычай – по любому поводу, а чаще всего вообще без всякого повода цеплять Россию. ... Мы ведём себя в этой связи в высшей степени сдержанно, прямо, без иронии скажу, можно сказать, скромно. Часто вообще не отвечаем не только на недружественные акции, но и на откровенное хамство. Мы хотим иметь добрые отношения со всеми участниками международного общения. А мы видим, что происходит в реальной жизни: как я уже сказал, цепляют Россию то тут, то там без всяких причин. И конечно, вокруг них сразу же, как вокруг Шерхана, крутятся всякие мелкие Табаки, всё как у Киплинга, подвывают, для того чтобы задобрить своего суверена»* [41]. В произведении Р. Киплинга тигр Шер-Хан является главным злодеем в джунглях, а Табаки его прихвостнем, угождающим во всем. Шакалы – «Табаки», которые всегда сталкиваются противостоящие между собой стаи, расшатывая во главе с Шер-Ханом мирный уклад жизни обитателей джунглей. Аллюзия на метафорический образ Шер-Хана и Табаки выступает тактикой обличения действий

оппозиционно настроенных великих держав, использующих мелкие государства в качестве марионеток для реализации собственных корыстных целей, которые ведут к эскалации конфликтных ситуаций. Это находит свое отражение в декларативных глагольных лексемах: «цепляют», «крутятся», «подвывают», позволяющих выявить имплицитный иронический подтекст (*«И конечно, вокруг них сразу же, как вокруг Шерхана, крутятся всякие мелкие Табаки, всё как у Киплинга, подвывают, для того чтобы задобрить своего суверена»*) [41]. Интересно, что в дискурсе сочетается разговорная лексика («цеплять», «хамство», «подвывают», «задобрить», «крутятся») с негативной коннотацией и слова книжного стиля («пренебрежительный», «в высшей степени», «участники международного общения»). Это задает подтекст потенциальной невозможности сочетания «хамство» и «дипломатические подходы» в международном дипломатическом дискурсе.

Употребление определительного местоимения «всякие» в адъективном словосочетании «*всякие мелкие Табаки*» несет особую коннотативную нагрузку, указывая на несущественную роль, отсутствие авторитета мелких держав, прибегающих к покровительству «могущественных» стран. Обратим внимание на значение слова «всякий» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Среди значений отмечаются такие: «какой угодно, каждый, любой из всех,,»; «какой бы то ни было,,»; «всевозможный, разный,,» [37, с. 107]. Все они не отражают смысл сказанного о «Табаках». Наиболее точно отражает смысл сказанного словарная статья, данная Д.Н. Ушаковым, где отмечается значение «*всякий (разг. пренебр.) – плохой, не заслуживающий уважения,,*» [49, с. 417]. Функционирующие в речевых высказываниях адъективные словосочетания («*пренебрежительный обычай*», «*недружественные акции*», «*откровенное хамство*»), характеризуют сформировавшееся в последнее время пренебрежительное, враждебное отношение к России: «*Вместе с тем недружественные акции и в отношении России также не прекращаются. В некоторых странах завели пренебрежительный обычай – по любому поводу, а чаще всего вообще без всякого повода цеплять Россию*» [41]. Эксплицируемая

в ассертивных высказываниях негативная политическая позиция нарастает путем использования адъективных конструкций, семантическая наполненность которых посредством сочетания с предлогом «без» («без всякого повода», «без всяких причин») указывает на отсутствие чего-либо, что иллюстрирует направленность речевых действий недругов от механизмов провокации к очагам конфронтации: «...вообще без всякого повода цеплять Россию», «...цепляют Россию то тут, то там без всяких причин» [41]. Речевая интенция президента усиливается наречными лексемами образа действия: «сдержанно», «прямо», «скромно», а также употреблением наречия меры и степени («в высшей степени»). Это отражает специфику русской языковой картины мира: «Мы ведём себя в этой связи в высшей степени сдержанно, прямо, без иронии скажу, можно сказать скромно» [41]. В контексте данного отрывка новые оттенки появляются и в словах «сдержанно» («в высшей степени»), «скромно» («без иронии»). Эти коммуникативные позиции подразумевают подчеркивание «специальной сдержанности», позволяющей преодолеть конфронтацию (это одна из тактик преодоления) и предложить «консолидацию» (подтекст: «все это терпим в надежде на продуктивный диалог»). Однако косвенно проявляется речевой акт предостережения (пока «сдержанно», пока «скромно»). Подчеркивается нецелесообразность этого «пока» усилением слова «всякие» – «не заслуживающие уважения».

Обращаясь к высказыванию Ф.Д. Рузвельта о выходе США из Великой депрессии, В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 2006 г. заостряет внимание на важности сплочения в решении общих кризисных проблем: «Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступали кое-кому на «больные мозоли», и будем наступать на них впредь. Но это – «мозоли» тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может, того и другого вместе, коротким путем – за счет общего блага» [40]. Обозначенная президентом тактическая цель интеграции

международного потенциала в налаживании путей благополучного развития, в преодолении общих глобальных проблем выражается в конструкциях с собирательными существительными: «*многие страны*», «*широкие массы*», «*миллионы людей*», «*большинство граждан*» («*С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд*». «*Многие страны сталкивались с такими же проблемами...*») [40]. Иллокутивная сила вербальной апелляции передается в ассертивных конструкциях («*будем наступать*», «*стараться достичь*», «*будем стремиться*», «*твердо добиваться*»), отражая тактику «проговаривая» планов общенационального развития. Употребление устойчивого разговорно-экспрессивного выражения «*наступали кое-кому на "больные мозоли" и будем наступать*» усиливает риторическую силу цитируемого выражения. «*Наступали*», «*и будем наступать*», «*на больные мозоли*» – это речевой акт угрозы. Во фразеологическом словаре имеется переносное значение «наступать на (больные) мозоль» это “*задеть за чье-нибудь больное место*», [50, с. 179]. Это вызывает агрессивную реакцию «задетого». Слово «*мозоли*», взятое в кавычки, транслирует иронический подтекст: по сути это мозоли (на росты) богатства, нажитые не «честным путем», т.е. не «*трудовые мозоли*». Эта коммуникативная позиция президента транслируется не с целью того, чтобы привести к конфликту, диверсификации национальных границ, а с целью скооперировать усилия в соблюдении законно установленных правил поведения.

Функционирующие в речи президента при экспликации авторитетной позиции контекстуальные антонимические словосочетания («*большие надежды*» – «*незаконная выгода*», «*общее благо*» – «*личное обогащение*», «*многие страны*» – «*наше государство*», «*вседозволенность и попустительство*» – «*справедливые законы и их исполнения*») намечают смысловые границы конфронтации и консолидации в межкультурном пространстве: «*...Авторитет государства должен основываться не на*

вседозволенности и попустительстве, а на способности принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения» [40].

Акцентируя внимание на фразе из произведения Р. Киплинга «Книга джунглей», президент РФ во время прямой линии с народом 15 декабря 2011 г. намечает путь взаимодействия с оппозиционными политическими силами: *«Нужно с уважением относиться ко всем нашим гражданам, даже к тем, которые не воспринимают власть в принципе. Но есть люди, которые имеют паспорт гражданина РФ, но действуют в интересах иностранного государства и на иностранные деньги. С ними тоже будем стараться наладить контакт. Сделать это часто бесполезно и невозможно. Что можно им сказать в таком случае? Идите ко мне, бандерлоги» [42].* В книге Р. Киплинга «Бандар-логи» являются «обезьяньим народом», который, не ведая правил Джунглей, присваивает себе чужое, стремится установить собственные законы и обычаи, однако из-за кратковременности памяти не способен реализовать задуманное. Аллюзия на аллегорический образ Бандар-лог служит тактикой разумной координации усилий дезинтегрированных граждан в совместной деятельности, что подтверждается использованием комиссивных глаголов изъявительного наклонения будущего времени («буду работать», «будем стараться»): *«Я безусловно буду работать со всеми, с представителями самых разных политических сил» [42].* Готовность взаимодействовать с противоположно настроенными оппонентами репрезентируется в бинарных оппозициях: *«разные политические силы – наши граждане», «иностранное государство – гражданин РФ»*, указывающих на открытость коммуникативных границ в разрешении и урегулировании межгосударственных и межнациональных проблем. Перлокутивный эффект обозначенной риторической тактики усиливается употреблением наречий оценки действия («бесполезно», «невозможно»), указывающих на весомую трудность реализации намеченной цели: *«Сделать это часто бесполезно и невозможно» [42].* Отсылка к высказыванию удава Каа («Бандар-логи... Подойдите на один шаг ближе ко

мне! ... Ближе!»), гипнотизирующего в личных целях племя обезьян, трансформируется в речи В.В. Путина, неся иную коннотативную и интенциональную направленность [24, с. 76]. Это обнаруживается в директивном высказывании посредством использования глагола повелительного наклонения 2-го л., мн. ч. «идите», обращенного путем аллегии на образ Бандар-лог к указанию на конкретных лиц – иноагентов, оппозиционно настроенных граждан, что ассоциируется с тактикой призыва к конструктивной кооперации коллективных усилий, ведущей к оживлению «зомбированной толпы» («Идите ко мне, бандерлоги») [42]. Есть в этой цитате иронический подтекст: Удав призывает их подойти поближе не затем, чтобы потом отпустить. Он их будет использовать для своего блага. Такие «зомбированные» пойдут на любой призыв сильных мира сего.

Апелляция В.В. Путина к заветам Маленького принца А. де Сент-Экзюпери в ходе дискуссии на площадке «Валдайского клуба» интерпретирует важность консолидации и мобилизации усилий всех граждан для совместного упорного труда, ведя к созданию мирного космоса, стабильности на всей планете: *«Многие читали в детстве «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери и помнят завет главного героя: «Есть такое твёрдое правило... Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету... Это очень скучная работа, но совсем нетрудная». Убеждён, мы должны постоянно заниматься этой «скучной работой», если хотим сохранить наш общий дом для будущих поколений. Надо прибирать свою планету»* [17]. Намеченная в межкультурной коммуникации стратегическая позиция выражается в директивных глагольных лексемах 1-го л., ед. ч.: «встал», «умылся», «привёл», «приведи», указывающих каждому гражданину на необходимость следования совету главного героя сказки (*«Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету...»*) [17]. Речевой акт призыва «приведи в порядок», «сохранить наш общий дом», несомненно, демонстрируют речевую стратегию консолидации, усиленную тактикой опоры на авторитет, страницу

общепризнанного культурного наследия, объединяющего гуманитарными принципами многие поколения.

Иллокутивная сила функционирующих в речи номинаций, репрезентированных конкретными существительными: «*порядок*», «*планета*», «*дом*», «*поколения*», усиливается путем использования притяжательных местоимений «*своя*», «*наш*» («*своя планета*», «*наш общий дом*»), сближая вокруг ключевых ценностей всех граждан на международной арене. Употребляемые в изречении адъективные словосочетания («*твёрдое правило*», «*скучная работа*», «*нетрудная работа*»), демонстрируют риторическую тактику «акцентного декларирования» интенции осознания важности заботы о природе, сбережения и сохранения окружающей среды: «*Есть такое твёрдое правило...*», «*Это очень скучная работа, но совсем нетрудная*» [17].

Таким образом, резюмируя вышеописанное, можно заключить, что анализ коммуникативной тактики «апелляция к авторитету» позволил выявить перспективы использования широкого спектра лингвистических и риторических средств, направленных на преодоление конфликтного вербального поведения, наметить пути эффективного общения и взаимодействия. Риторические фигуры в вербальных апелляциях президента РФ как оратора демонстрируют интенцию объединить всех граждан на базе общечеловеческих ценностей, включенных в мировую культуру. Апелляция в речи президента к зарубежным деятелям культуры и классикам литературы, кооперативные коммуникативные стратегии, гармонизирующие общение, позволяют обозначить в ходе международного дискурса границы «красных линий» конфронтации и консолидации.

2.3 Речевой портрет главы государства в аспекте психолингвистики

В первой главе мы рассмотрели и проанализировали разные подходы к осмыслению роли и репрезентации понятий речевых стратегий и тактик в медиакоммуникативном пространстве. Интересным показалось рассмотрение роли архетипических мифологем (образов-мифов), ассоциативных ощущений (животный мир, цветовая гамма, перцептивный компонент) в формировании речевой стратегии говорящего, воссоздающей образа актора речи. Исследование с психолингвистической стороны речевых стратегий оппозиции «консолидация – конфронтация» является особо ценным с связи с тем, что мы апеллируем к языку, речевой культуре лидера нации (В.В. Путина), в которых преобладают лексические средства, семантические единицы, лингвокогнитивные механизмы и коммуникативно-прагматические приемы, демонстрирующие эффективную коммуникацию. Это в свою очередь позволяет определить синестетический эффект, выявляемый посредством употребляемых актором в ходе публичных выступлений речевых стратегий и тактик, которые конструируют в сознании реципиента языковой портрет оратора, устанавливают его коммуникативную интенцию, раскрывают цель речевого акта.

Опираясь на особенности иллюстрации и интерпретации тактических единиц речевой стратегии консолидации и конфронтации публичных выступлений главы государства (В.В. Путина), мы исследовали специфику выражения концептуальных доминантных категорий с позиций психолингвистической науки.

Рассмотрение темы, связанной с изучением портрета общественного деятеля, ставшего политическим лидером, в научных исследованиях представлено достаточно широко и многоаспектно. Однако психолингвистика редко становится доминантным направлением исследования данного вопроса.

Информационная среда оказывает воздействие на человека. Для того, чтобы понимать, как формируются в сознании людей образы современных лидеров, важно разбираться в психолингвистических процессах порождения, восприятия и осмысленного понимания речевого акта. Как авторы статей о формировании имиджа политического лидера, а также сами лидеры воздействуют на свою целевую аудиторию, добиваясь «со-ощущения» (синестезии) и перлокутивного эффекта, направленных на корреляцию общественного сознания людей XXI века? В статье актуализируются такие категории как «слов-стимул» и «слово-реакция» для того, чтобы понять, как создается портрет лидера нации.

«Складываемый» в настоящее время путем «синестезического эффекта» имидж политического лидера нашей страны основан на использовании слов-стимулов, вызывающих реакцию восприятия руководителя страны как «главы многонациональной державы».

Для рассмотрения выбранной темы исследования были использованы методы ассоциативного эксперимента, психолингвистического и семантико-когнитивного анализа. В ходе исследования мы опирались на стенограммы речей президента РФ. Акцент сделан на текстах, прозвучавших:

- во время поздравления женщин с праздником 8 марта,
- во время празднования Дня народного единства,
- в период борьбы с терроризмом и эпидемией коронавируса.

При помощи указанных методов и материалов исследования выявлены механизмы, языковые средства и тактики, способствующие речевому «портретированию» адресатом выступлений главы государства.

Важным и интересным с психолингвистической точки зрения выступает речевой портрет главы государства. Возникший в сознании синестезический эффект создает некий психотип языковой личности, формируя не только имидж, но и мифологемы-архетипы. Основываясь на мифологических архетипах, выявим ключевые лингвистические и речевые компоненты, выстраивающие образ лидера страны.

Без апелляции к анализу речевых актов «человека говорящего» сложно составить представление о его образе в целом. Обратимся к речевому портрету В.В. Путина, «вслушиваясь» в то, что он говорит и как говорит. Проанализировав речи президента, направленные на создание вакцин от COVID-19, на противоборство терроризму и празднование Дня народного единства, мы обнаружили высокую частотность употребления личных местоимений «я», «мы», определительных местоименных конструкций со словами «все», «весь», демонстрирующих, с одной стороны, собственную позицию в разрешении назревших проблем, а, с другой, отождествление себя с народом, утверждение мысли о важности коллективной силы перед лицом внешней угрозы, что формирует путем синестезии ассоциацию с образом всеобщего защитника: «...я хочу, чтобы Россия сохранилась», «Я желаю всем мира и благополучия», «Мы все должны бороться с пандемией коронавируса», «...мы готовы оказать всю помощь», «...мы не останемся к ним безучастными», «...мы всегда будем защищать», «...весь народ встал на борьбу» [39].

Функционирующие в речи номинации, выраженные существительными: «дети», «инвалиды», «граждане всех государств», «все государства», «миллионы людей», «народы планеты», «международные структуры» демонстрирует заботу о благосостоянии, безопасности не только этнического русского населения, но и жителей всей планеты. Это способствует созданию путем «со-ощущения» аналогии с образом «отца для всех сородичей»: «...предоставить социальную помощь семьям с детьми», «...обеспечить свободный доступ к вакцинации для граждан всех государств» [19].

В комиссивных глагольных формах: «делиться опытом», «взаимодействовать со всеми», «обеспечить доступ», «оказать помощь», «предлагаем бесплатно предоставить», «принять меры», «обеспечить социальную защиту» передается интенция принятия оперативных решений, оказания экстренной помощи перед лицом нового вызова. Такая речевая тактика направлена на создание прямой ассоциации с образом вождя:

«...предпринять меры не только по производству, но и закупке нужных лекарств», «...предоставить гражданам надежную защиту от внутренних и внешних угроз» [39].

Употребляемые в речевых высказываниях эпитеты: *«необходимая квалификационная помощь», «каждая человеческая жизнь», «межнациональный и межрелигиозный мир», «успешное будущее», «искренняя забота», «надежная защита», «нравственная мощь»* призваны вселять в душу надежду на достойное будущее. В сознание слушателей внедряется мысль об образе миротворца: *«Для России межнациональный и межрелигиозный мир – основа основ...», «Сбережение нации, защита их от внешних и внутренних угроз определяет мощь и дальнейшее процветание страны» [30].*

Прибегая к использованию фразеологизма *«не будем брехать оружием»* и ассертивных глагольных лексем *«не дождутся, не будем»* (*«...не дождутся, Русский народ не будет брехать оружием»*), говорящий акцентирует внимание на противопоставлении злу, важности защиты родной земли. В сознании слушателей всплывает параллель с образом героя народных эпосов, который стремится к всеобщему благу: на это направлены лексемы: *«справедливость», «истина», «истина», «свобода»* (*«Это борьба за справедливость, истину и свободу»*) [30].

Обращение президента к заветам Маленького принца А. де Экзюпери передает прямую интенцию вовлечь слушателей в создание мирного космоса, порядка на Земле, идею общего дома для всех поколений: *«Встал – сразу же приведи в порядок свою планету» [15].*

В назывном предложении *«Москва. Кремль. Путин»* передается сложившаяся в общественном сознании ассоциативная мифологизация портрета В.В. Путина, которая несет в себе национальную идею. Выступая как национальный лидер, он подтверждает свое положение путем использования тактики контраргумента: *«Я являюсь настоящим националистом. ...Но это национализм не придурочный и дурацкий» [15].* Таким образом, оратор меняет

коннотацию слова «*националист*»: это не тот, кто выступает за право одной нации, а отражает взгляды нации как целого народа.

Таким образом, резюмируя сказанное, подчеркнем, что психолингвистический аспект изучения речевых высказываний президента страны позволяет увидеть, как отражается языковой портрет в сознании людей, какие речевые акты становятся актуальными в моменты опасности и угрозы стране и людям, как можно воздействовать на сознание людей с помощью языковых средств, выбирая лексические доминанты и речевые тактики, позволяющие создать образы-мифологемы, направленные на повышение благосостояния, защиту справедливости и правды.

2.4 Речь президента с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации

Тема, связанная с изучением речевых стратегий и тактик, используемых главой нашего государства в рамках политического дискурса, исследована в научных работах довольно широко и многоаспектно. Однако в связи со сложившейся в стране ситуацией после оппозиционных выпадов А.А. Навального и его сторонников, создающих атмосферу конфронтации в обществе, актуальным представляется анализ высказываний президента РФ, демонстрирующих речевые стратегии и тактики, позволяющие отразить информационные атаки.

В настоящее время оппозиционные медиаресурсы оказывают существенное информационное воздействие на человека, трансформируя образ конкретного политического деятеля, сформировавшийся в представлении определенной массы людей, разрушают сложившуюся национальную картину мира. Рычаги такого влияния на социум находятся в конкретной речевой деятельности. Для того, чтобы понять какова специфика противостояния манипулятивным механизмам, способам психологического давления необходимо выявить речевые стратегии и тактики, которые

используют влиятельные политики (например, президент РФ) с целью консолидации общества, сохранения культурно-нравственного кода, объединяющего нацию.

Важным и интересным с лингвистической и лингвопрагматической точек зрения являются речевые произведения В.В. Путина, демонстрирующие коммуникативные стратегии и тактики как эффективные ответные реакции на провокационные выпады А.А. Навального. Анализируя используемые в политическом дискурсе речевые стратегии и тактики «вслушаемся» в то, что говорит оппозиционный политик и какие разъяснения дает по этому поводу лидер нации и глава государства (стенограмма речи президента, прозвучавшей на видеоконференции со студентами вузов по случаю Татьянинного дня). Выявим коммуникативные приемы, лексические средства и семантические компоненты, функционирующие в ответной речи президента на критику оппозиционного блогера.

Без апелляции к анализу речевого инструментария «человека говорящего» трудно выявить специфику используемых стратегий и тактик оппонентов. Проанализировав речь А.А. Навального, прозвучавшую в документальном фильме «Дворец для Путина...», мы обнаружили высокую частотность употребления ассертивных глагольных конструкций с гиперболической семантикой: *«изучили тысячу документов», «поговорили с десятком людей», «досконально изучили путинскую схему», «разобрались во всем», «внимательно изучили каждое слово»,* в которых эксплицитно выражается тактика несомненной достоверности целенаправленно препарированных сведений, подготавливающих аудиторию к принятию навешанных ярлыков: *«Они тратят наши с вами деньги на то, чтобы построить Путину подземный ледовый дворец и комнату для игрушечных машинок»* [14]. Умышленно искажая факты действительности, «известный блогер» публично призывает в своих директивных перформативных высказываниях к акту реализации нужной для манипулятора экстремистской деятельности: *«23 января мы призываем всех выйти на центральные улицы и*

площади ваших городов. ...Мы должны бороться не только за Алексея, но и за наше собственное будущее. Владимир Путин и его банда никогда не перестанут грабить и убивать и только от нас зависит, остановим ли мы их» [14]. Такой подход, выбранный оппозиционером, направлен на организацию несанкционированного митинга, на противостояние действующей власти путем использования агитационной риторики, стратегии дискредитации (об этом свидетельствуют лексемы «банда», «грабить», «убивать»). Употребляемые в речи декларативные высказывания: «...ответственно заявляем вам: вас обманули», «долгое время вас обворовывали» распространяют «сведения», умаляющие честь и деловую репутацию президента РФ, нивелируя его образ: «Человек, который буквально помешался на роскоши, золоте и мраморе и вообразил себя новым императором России», «...он обезумел от безнаказанности и власти», «...президент России психически нездоров», «...обворовал людей, уничтожил политику, переписал Конституцию, посадил кого мог» [14]. Выбранная стратегия дискредитации служит источником десакрализации личности, модифицирует мировоззренческие установки и корректирует мнения населения, вызывая негативный эмоциональный настрой.

Номинации, выраженные существительными: «роскошь», «золото», «мрамор», «винзаводы», «власть» направлены на создание отрицательного образа главы государства, как будто всецело охваченного стремлением к материальным благам, заботящегося лишь о собственном благосостоянии: «...ради чего Путин готов убивать. Ради этого», «...этим летом дошел до отравления своего главного политического врага «Новичком»» [14]. Такая речевая тактика путем обнародования негативных фактов включает в себе интенцию раскачки общества, обострения враждебных отношений.

Ряд функционирующих в речи эпитетов: «пожизненный президент», «настоящий хозяин», «настоящий монарх», «несменяемый царь» несет в себе негативную коннотацию, видоизменяя путем тактики обличения ментальные модели, духовно-нравственные ценности реципиентов: «...наш пожизненный

президент оформляет свои тайные активы», «Единственный настоящий хозяин этого знаменитого места» [14]. За повторяющимся эпитетом «настоящий» тянется шлейф иронии, восходя к прецедентному выражению «настоящий полковник».

Анализ речевых стратегий и тактик А.А. Навального показывает, как функционирует риторическая модель специально подготовленного агента влияния, являющегося марионеткой в руках западной пропаганды. Ответом на нее стали номинации, присвоенные данному оппоненту в масс-медиа, лояльных власти: *«ярый враг нашей страны», «нацист, жулик и аферист», «шут», «враг народа» [9]. Отметим, что это те же риторические приемы, отражающие речевую агрессию и демонстрирующие то, что перлокутивный эффект оппозиционером достигнут: его противники вовлечены в конфронтационные коммуникативные игры.*

Однако обществу нужна не конфронтация, а консолидация. Так, комментируя псевдорасследование А.А. Навального «о дворце в Геленджике», В.В. Путин использует речевую тактику опровержения недостоверной информации. Он выбирает ассертивные конструкции с отрицательными лексемами («ничего», «никогда») и частицами («не», «ни»), иллюкутивная сила которых заключается в «рассеивании» ложно сформированного представления о богатстве: *«...ничего из того, что там указано в качестве моей собственности, ни мне, ни моим близким родственникам не принадлежит и никогда не принадлежало. Никогда», «...есть люди, которых я вообще не знаю», «...я не занимался этим никогда», «...вообще, просто никогда их не видел в глаза, не знаком с ними» [11].* Использование устойчивого разговорного выражения *«никогда не видел в глаза»* усиливает риторическую силу высказывания, которое адресовано молодежной аудитории.

В речи президента широко представлены собирательные и отвлеченно-обобщенные существительные: *«семья», «дети», «жизнь», «брак», «хозяйство».* Подбор таковых существительных, несомненно, связан с целью

говорящего консолидировать общество вокруг ценностных приоритетов. Эту цель демонстрируют и глагольные формы: «будут созданы», «жить вместе», «вести общее хозяйство», «детей иметь», «доверять друг другу». Это тактика апелляции к доверительным взаимоотношениям между «своими», близкими, родными. Государство выступает большой единой семьей, где необходимым условием является взаимопонимание и поддержка: «...если люди вступают в брак и собираются жить вместе, вести общее хозяйство, детей иметь, то, наверное, должны доверять друг другу» [11].

В эксплицируемых адъективных словосочетаниях: «социальная сторона бизнеса», «достойная заработная плата», «рабочие места», «отраслевая экономика» репрезентируется тактика «акцентного декларирования» намерения заботиться о благосостоянии населения: «...если думать особенно о социальной стороне бизнеса, о создании рабочих мест, о достойной заработной плате, о развитии отраслевой экономики, это очень здорово и очень полезно» [11]. В данном случае оратор подчеркивает, что для каждого правителя важно думать о разных социальных слоях общества: о бизнесменах, о рабочих, о производственниках. Президент в своей речи стремится к демонстрации консолидирующих общество целей, направленных на создание условий, повышающих качество жизни в стране, способствующих координации, согласованности общественных действий.

В ответ на дискредитирующие президента видеоролики, в поддержку политики консолидации общества в сети Instagram под хештегом «#ПутинМойПрезидент» было создано целое движение, которое вылилось в следующий речевой поток комментариев пользователей: «Вы наши, Вы русский», «Спасибо за сохраненную РОССИЮ», «Самый лучший президент», «Настоящий ГЕРОЙ!!!!!!» [43], «Самый мудрый, самый умный, самый человечный», «Мы с Вами!!!!», «Спасибо за страну!!!» [9]. Разумеется, можно предположить, что были модераторы такой речевой деятельности, но то, что подключались к виртуальному флешмобу реальные люди, уставшие от политики конфронтации и информационной войны, не вызывает сомнений.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что анализ лингвистических средств реализации речевых стратегий позволяет установить мотивы и интенции коммуникантов, выявить истинные цели «человека говорящего».

Используемые А.А. Навальным, речевые стратегии и тактики создают иллюзию борьбы за права человека и справедливость; на самом деле в языковом сознании массового адресата возникает готовность к конфронтации и агрессивному поведению.

В высказываниях В.В. Путина звучит призыв к укреплению национальной безопасности, сплочению патриотических сил в борьбе с агрессивными оппонентами. Его речевые стратегии носят консолидирующий характер, они отражают намерение сплотить людей вокруг нравственных ценностей на основе общей картины мира, отражающей самосознание русского народа.

Заключение

Проведенное исследование в рамках настоящей магистерской диссертации позволяет сделать следующие выводы.

При обращении к лингвистическим словарям было обнаружено многообразие подходов к интерпретации, классификации речевых стратегий и тактик, их систематизации по коммуникативным интенциям, которые позволяют выявить типичные вербальные действия и специфические риторические инструменты, используемые актором в медиакоммуникативном пространстве. Подходы к рассмотрению комплекса речевых стратегий и тактик как системы взаимосвязанных технологий в медиапространстве реализуются путем использования вербальных действий адекватных коммуникативной ситуации, манипулятивных приемов коммуникативной «обработки» собеседника, языковых средств достижения определенной коммуникативной установки, разнообразных инструментов решения риторических задач.

В лингвистических и политических словарях категория «конфронтация» определяется через понятие «неэкологическое общение» (non-ecological communication), а термин «консолидация» через словосочетание «экологическая коммуникация» (ecological communication). Речевые стратегии и тактики «конфронтация – консолидация» оказываются направлены, с одной стороны, на сбережение и укрепление страны, на решение совместной проблемы сохранения миропорядка и культурного наследия, а с другой, на завоевание в личных целях авторитета и симпатии в глазах граждан, модификацию мировоззренческой картины мира адресата, манипуляцию массовым сознанием.

Русскими и зарубежными исследователями речевые стратегии и тактики, направленные на конфликтный дискурс или консолидацию общества, исследовались с различных позиций. В аспекте построения коммуникации ученые акцентируют внимание на вербальной агрессии, репрезентирующей

конфликтный дискурс в виде фреймовой структуры, которая позволяет раскрыть экспрессивную иррадиацию включения нейтральной номинации в отрицательный контекст. Для преодоления негативной риторической позиции предлагается использовать минимальный набор методов преодоления словесной конфронтации, которые проявляются в провокационных вопросах, инвективах, насмешках и др. Особым оружием создания реального конфликта при парламентских дебатах становится насмешка, ирония, позволяющие актерам обострить конфронтацию в сложных типах взаимодействия. Конфронтация в медиакommunikации выступает орудием заострения диалога, импульсивный резонанс которого вводит зрителей в атмосферу иллюзорного цифрового пространства ток-шоу.

В качестве эффективного вербального хода создания дружеского контакта, позиции согласия в риторической коммуникации рассматриваются «деятельностные» и «вербальные» апелляции. Риторические приемы, используемые в парламентских дебатах, отражают нацеленность на разрешение и стабилизацию межпартийной конфронтации, межличностных разногласий. В коммуникативной среде медиапространства консолидация выступает вербальным приемом включения зрителя в атмосферу толерантности, развития «диалога согласия», где синтез смысловых позиций «гасит» конфронтационную манеру диалога на ток-шоу. Благодаря выявленным способам репрезентации речевых стратегий конфронтации и консолидации удалось определить различные конструктивные механизмы, когнитивные модели, коммуникативные приемы выражения тактической цели. Анализ научных исследований на данную тему позволяет сформулировать логически выстроенные умозаключения, репрезентирующие целостную риторическую концепцию, коммуникативную методологию, лингвокогнитивный инструментарий, лежащие в основе речевых стратегий и тактик «конфронтация – консолидация».

В настоящей магистерской диссертации в результате рассмотрения особенностей выражения и экспликации речевых стратегий консолидации и

конфронтации в речи политического лидера было выявлено более 500 примеров высказываний, в которых мы обнаружили тактические единицы, образующие смысловое поле стратегий «консолидация» и «конфронтация». На основе выявленных в результате анализа высказываний президента РФ речевых стратегий и тактик, мы сформировали таблицу, отражающую тактические единицы, которые составляют ядро лексико-семантического поля «консолидация – конфронтация» (см. Приложение А). Мы установили, что доминирование тактических единиц речевой стратегии «консолидация» в речи политического лидера (на примере В.В. Путина) раскрывает стремление лидера нации к укреплению единства, согласованности действий в процессе совместной работы, соблюдению культуры уважительного диалога, воссозданию крепкого духа сотрудничества на международной арене. Функционирование в речи тактических единиц стратегии «конфронтация» указывает на то, что глава государства намечает пути конфликта для воссоздания дружеского контакта, размежевания с недружественными коммуникантами.

Мы определили коммуникативные приемы, которые использует глава государства для преодоления речевой агрессии: проецирование позитивных личностных качеств и поведенческих реакций (*«Теперь что касается заявления моего американского коллеги: мы действительно, как он сказал, с ним лично знакомы»*), «психологическое айкидо» (амортизация) (*«Хоть они и думают, что мы такие же, как и они, но мы другие люди, у нас другой генетический и культурно-нравственный код...»*), ритуализация негативного высказывания (*«Кто как обзывается, тот так и называется»*) и др. [10]. Использование В.В. Путиным вышеперечисленных коммуникативных приемов, позволило ему достичь необходимого перлокутивного эффекта. Анализ лингвистических средств, использованных В.В. Путиным в диалоге с Джо Байденом, позволил выявить эффективные способы контроля речевой агрессии. Из двадцати предложенных в классификации Ю.В. Щербининой способов активно используются следующие приемы: проецирование

позитивных личностных качеств, амортизация, поиск альтернатив, прием отсроченного диалога, юмор, ритуализация негативного высказывания, прямота против агрессивных намеков, привлечение «союзников». Речевые приемы президента РФ как оратора, осознающего свою ответственность за высказывания в дипломатическом пространстве, носят консолидирующий характер, они отражают намерение сплотить людей вокруг нравственных ценностей на основе общей картины мира, предполагающей поиски общих смыслов, не исключая частных национальных интересов.

Мы определили, что «апелляция к авторитету» как речевая тактика обозначения политическим лидером границ конфронтации и консолидации в ходе межкультурной коммуникации репрезентируется в многократном цитировании высказываний видных государственных деятелей, определенных языковых и риторических инструментах. В речевых высказываниях президента РФ мы установили обращения к образу Шер-Хана и Табаки, высказыванию Ф.Д. Рузвельта о выходе из Великой депрессии, произведению Р. Киплинга «Книга Джунглей», заветам Маленького принца А. де Сент-Экзюпери. Коммуникативный ход «апелляция к авторитету» оказывается достаточно действенным: ссылка на авторитет автоматически укрепляет позицию оратора в глазах реципиентов, сводит огонь возможной критики к минимуму, а также посредством ярких выражений и языковых образов усиливает выразительную силу выступлений в целом и является своеобразным приемом языковой экономии. Риторические фигуры в вербальных апелляциях верховного главнокомандующего как оратора демонстрируют интенцию объединить всех граждан на базе общечеловеческих ценностей, включенных в мировую культуру. Апелляция в речи президента к зарубежным деятелям культуры и классикам литературы, кооперативные коммуникативные стратегии, гармонизирующие общение, позволяют обозначить в ходе международного дискурса границы «красных линий» конфронтации и консолидации. Это в свою очередь демонстрирует широкие возможности тактики «апелляция к авторитету».

Рассмотрев с позиций психолингвистики речевой портрет главы государства, мы выявили, что употребляемые в его речи стратегии, позволяют воссоздать архетипический образ политического лидера, тактическая цель которого направлена на защиту страны, сбережение жизни каждого этноса. Мы обнаружили высокую частотность употребления местоимений («я», «мы», «все», «весь»), существительных («дети», «инвалиды», «граждане все государств», «все государства», «миллионы людей»), комиссивных глагольных форм («делиться опытом», «взаимодействовать со всеми», «обеспечить доступ», «оказать помощь», «предлагаем бесплатно предоставить»), ассертивных глагольных лексем («не дождутся», «не будем»), эпитетов («каждая человеческая жизнь», «межнациональный и межрелигиозный мир», «искренняя забота», «надежная защита»), фразеологизма («не будем браться оружием»). Психолингвистический аспект изучения речевых высказываний президента страны позволяет увидеть, как отражается образ в сознании людей, какие речевые акты становятся актуальными в моменты опасности и угрозы стране и людям, как можно воздействовать на сознание людей с помощью языковых средств, выбирая лексические доминанты и речевые тактики, позволяющие создать образы-мифологемы, направленные на защиту справедливости, повышение благосостояния, признания субъектности государств.

Обратившись к речи президента РФ с позиций речевых стратегий и тактик преодоления вербальной конфронтации, мы выявили, что специфика противостояния манипулятивным механизмам, способам психологического давления заключается в консолидации общества, сохранении культурно-нравственного кода, объединяющего нацию. Комментируя псевдорасследование А.А. Навального «о дворце», В.В. Путин употребляет такие речевые тактики, как: опровержение недостоверной информации; апелляция к доверительным взаимоотношениям между «своими», близкими, родными; «акцентное декларирование» намерения заботиться о благосостоянии населения и др. Анализ лингвистических средств реализации

речевых тактик позволяет установить мотивы и интенции коммуникантов, выявить истинные цели «человека говорящего».

Такой филологический, лингвориторический и психолингвистический подходы к осмыслению и интерпретации роли речевых стратегий конфронтации и консолидации в выступлениях политического лидера позволили резюмировать следующее: стратегии «консолидация – конфронтация» выступили доминантными составляющими речи В.В. Путина, раскрыв эксплицитные или имплицитные интенции политического лидера. Широкий спектр употребления приемов преодоления речевой агрессии демонстрирует иллюкутивную силу высказываний, направленных на сдерживание агрессивного речевого поведения, деэскалацию информационной войны. Используемая главой государства вербальная тактика «апелляция к авторитету», выраженная аллюзиями, ссылками на прецедентные имена, реминисценциями обличает действия негативно настроенных лидеров других держав, раскрывает сущность конфронтации на международной арене. Риторические фигуры в речевых апелляциях актора выступают не просто стратегиями украшения речи, а трансформируются в речевые тактики контраргументации, убеждения, соразмышления, демонстрирующие стратегию консолидации. Проанализировав тактические единицы стратегии «консолидация – конфронтация» и описав языковые средства, риторические приемы их выражения, мы определили, что высказывания В.В. Путина носят консолидирующий характер, отражают намерение сплотить людей вокруг общих духовно-культурных ценностей и национальных интересов.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абаренков В. П., Аверкин А. Г., Агешин Ю. А. [и др.]. Краткий политический словарь. 4-е изд., доп. М. : Политиздат, 1987. 509 с.
2. Антонова А. В. Метафора как средство выражения интенции включения фрейма в манипулятивном микротексте // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 49–51.
3. Афанасенко О. Б. Речевые стратегии и тактики как элемент риторического анализа образа ребенка // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55-4. С. 37–43.
4. Байден ответил на предложение Путина о диалоге [Электронный ресурс] // РИА Новости : [сайт]. [2014]. URL: <https://ria.ru/20210319/bayden-1602046405.html> (дата обращения: 26.04.2021).
5. Балашова Л. В. Артефактная метафора в речи В. В. Путина как способ репрезентации образа России в условиях первой волны пандемии КОВИД-19 // Политическая лингвистика. 2021. № 2 (86). С. 12–24.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. Будаев Э. В., Тихонов В. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43–49.
8. Воронович А. С. Апелляция к авторитету как коммуникативный ход публичной речи политического и религиозного дискурса // Научная конференция студентов и аспирантов БГУ (Минск, 17-20 мая 2010 г.) : в 3 ч. Ч. 2 / Белорусский государственный университет. Главное управление науки : сб. работ 67 науч. конф. студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Минск : Изд. центр БГУ, 2011. С. 38–41.
9. В поддержку нашего президента В. В. Путина. URL: <https://inlnk.ru/Jj5gxR> (дата обращения: 11.02.2021).

10. Встреча с общественностью Крыма и Севастополя [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65172> (дата обращения: 23.04.2021).

11. Встреча с учащимися вузов по случаю Дня российского студенчества [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64922> (дата обращения: 10.02.2021).

12. Горяинова Н. Н. Стратегии и тактики речевого поведения с применением высказываний похвалы и одобрения : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Ставрополь, 2010. 21 с.

13. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Орбл., 2004. 20 с.

14. Дворец для Путина [Электронный ресурс] // Навальный : [сайт]. [2021]. URL: <https://palace.navalny.com/> (дата обращения: 8.02.2021).

15. Егорова А. С. Речь Путина на Валдайском клубе показалась крайне необычной [Электронный ресурс] // МК.RU : [сайт]. [1919]. URL: <https://google.me/LWjhd> (дата обращения: 26.11.2020).

16. Жижина А. Е. Стратегии и тактики политического дискурса на примере речей В. В. Жириновского // Региональная ун-тская научно-практическая конференция (Калуга, 15 января 2016 года) / Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского : сб. тр. Калуга : Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского, 2016. С. 263–268.

17. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 31.10.2021).

18. Захаров М. А. Стратегии и тактики речевого поведения в конфликтных ситуациях // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2014. № 3. С. 115–122.

19. Захарова М. В. «Замалчивания никому не нужны»: полный текст коронавирусного обращения Путина к чиновникам [Электронный ресурс] // NN.RU : [сайт]. [1999]. URL: <https://goo-gl.me/PUE3j> (дата обращения: 27.11.2020).

20. Захарова О. В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000-2015) // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 29–45.

21. Иоакимиди Д. Риторические особенности публичной политической речи Президента России В. В. Путина // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 2. С. 6–13.

22. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : URSS, 2008. 288 с.

23. Калинина А. С. Речевые стратегии и тактики дипломатического дискурса (на примере выступления В. В. Путина на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 года) // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 8 (17). С. 54–56.

24. Киплинг Дж. Р. Книга джунглей : перевод с английского : иллюстрации Роберта Ингпена. М. : «Махаон», 2014. 224 с.

25. Ковальская Е. Г. «Мёртвое море знаете? Путин убил»: Сеть отреагировала мемами на слова Байдена [Электронный ресурс] // Шарий.net : [сайт]. [2014]. URL: <https://sharij.net/myortvov-more-znaete-putin-ubil-set-otreagirowala-memami-na-slova-bajdena> (дата обращения: 01.05.2021).

26. Кондратьева О. Н. Стратегии и тактики в дискурсе регионального политика (на материале выступлений врио губернатора Кемеровской области Сергея Цивилева) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 35–46.

27. Космодемьянская В. И. Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 47–52.

28. Кулькова М. А. Коммуникативные стратегии и тактики убеждения в пословичном дискурсе // Серия «Филологический сборник» : Выпуск 10 : Политика в зеркале языка и культуры : сб. науч. ст., посвященных 60-летнему юбилею проф. А. П. Чудинова / Ин-т языкознания РАН ; отв. ред. М. В. Пименова. М. : ИЯ РАН, 2010. С. 145–150.

29. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : автореф. ...канд. филол. наук : 10.02.01. Екб., 2008. 22 с.

30. Латухина К. С. И право, и обязанность [Электронный ресурс] // RG.RU : [сайт]. [1990]. URL: <https://rg.ru/2020/11/04/vladimir-putin-prizval-k-mezhnacionalnomu-i-mezhreligioznomu-miru.html> (дата обращения: 28.11.2020).

31. Ленхобоева Т. Р., Меньжурова А. Б., Намсараева В. Ц. Коммуникативная стратегия конфронтации в интервью в региональных телепередачах республики Бурятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 205–211.

32. Ломаш Е. А., Мишкевич М. В. Стратегии и тактики самопрезентации на примере выступлений политического деятеля Дональда Трампа // ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ : сб. мат. II Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (10–12 ноября 2021 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» ; под ред. Ю. В. Кобенко. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. С. 67–73.

33. Марченко Т. В. Речевые стратегии и тактики гармонизации общения в поликультурной среде // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 12–61.

34. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

35. Муравлева В. Р. «Апелляция к авторитетам» как один из способов языкового воздействия в современных информационных войнах // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот : мат. Международной науч. конф. по политической коммуникации (Екатеринбург, 29–30 ноября 2019 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, Уральский гос. пед. ун-т, Уральский ин-т упр. ; отв. ред. Н. Б. Руженцева. Екб. : [б. и.], 2019. С. 152–156.

36. Мустафин А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск : Изд-во АГТА, 2012. 168 с.

37. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с. (Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова).

38. Певнева И. В. Особенности реализации коммуникативных стратегий в конфронтационных ситуациях общения // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 30–31.

39. Полный текст речи Владимира Путина в ООН 22 сентября 2020: о чем говорил президент миру [Электронный ресурс] // KP.RU : [сайт]. [2012]. URL: <https://www.samara.kp.ru/daily/217185/4291824/> (дата обращения: 29.11.2020).

40. Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819> (дата обращения: 21.10.2021).

41. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. [2000]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 2.11.2021).

42. Путин назвал «бандерлогами» деятелей оппозиции, которые действуют на иностранные деньги [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС : [сайт]. [1999]. URL: <https://tass.ru/politika/523180> (дата обращения: 25.10.2021).

43. Работайте, Братья! Президент Мой Друг! URL: <https://inlnk.ru/meG10Y> (дата обращения: 12.02.2021).

44. Рогожина Е. М. Особенности мифологизации образа В. В. Путина как общегосударственного лидера в начале 2000-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18) : в 2-х. Ч. 1. С. 161–164.

45. Роменский В. А., Зубова Л. Ю., Симанов А. Е., Боброва Г. Н. Метафоры в речи политиков в письменном и синхронном переводе (на материале выступлений В. В. Путина) // МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК. 2018. № 3. С. 930–933.

46. Селезнева А. В. Образ Президента России В. В. Путина в сознании российских граждан // Русская политология – Russian political science. 2018. № 7 (2). С. 4–11.

47. Сергеева Н. А. Стратегии и тактики речевого воздействия в предвыборном дискурсе Б. Х. Обамы // Вестник современных исследований. 2019. № 1.6 (28). С. 310–316.

48. Синеокая Н. А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С. 115–122.

49. Толковый словарь русского языка : [в 4 томах] / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935. 1 т. : А–К. 1562 с.

50. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. В. Волкова. М. : Вече, 2000. 463 с.

51. Уразгалиева О. А. Вербализация коммуникативной стратегии сотрудничества в политическом дискурсе (на примере выступления В. В. Путина на 70-й сессии генеральной ассамблеи ООН) // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 94–101.

52. Филиппова О. А. Явление речевой агрессии в современных условиях общения (аспекты и проблемы) // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2009. № 3. С. 84–93.
53. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Изд-во «Русский язык», 2002. 216 с. (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина).
54. Шмакова Г. А. Стратегии конфронтации и сотрудничества в интервью В. Познера // Журналистский ежегодник. 2015. Вып. 4. С. 192–197.
55. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М. : КомКнига, 2006. 360 с.
56. Abusyarova D. L. Conflict communication: linguoecological aspect // Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. 2016. Vol. 20, Special Issue 2. PP. 154–158.
57. Kuipers G. The sociology of humor [Electronic resource] // Academia.edu : [site]. URL: https://www.academia.edu/1166958/The_sociology_of_humor (date of treatment: 24.01.2022).
58. Săftoiu R., Popescu C. Humor as a branding strategy in political discourse. A case study from Romania // Revista Signos. Estudios de Lingüística. 2012. № 47 (85). PP. 293–320.
59. Scurtulescu A. «Positive» strategies in political discourse // Languages for Specific Purposes (LSP) – From Theory to Practice. 2006. Vol. 2, no. 1. PP. 23–31.
60. TRANSCRIPT: ABC News' George Stephanopoulos interviews President Joe Biden [Electronic resource] // ABC News : [site]. [2020]. URL: <https://google.me/pjTe3> (date of treatment: 25.04.2021).
61. Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A., Buzinova L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // XLinguae. 2018. Vol. 11, Issue 2. PP. 639–654.

Приложение А

Тактические единицы, составляющие ядро лексико-семантического поля речевой стратегии «консолидация – конфронтация»

Таблица А.1 – Ядро лексико-семантического поля речевой стратегии «консолидация – конфронтация»

Консолидация	Конфронтация
тактика проецирования позитивных личностных качеств и поведенческих реакций	тактика «психологического айкидо» (амортизации)
<i>«Теперь что касается заявления моего американского коллеги: мы действительно, как он сказал, с ним лично знакомы» [10].</i>	<i>«Хоть они и думают, что мы такие же, как и они, но мы другие люди, у нас другой генетический и культурно-нравственный код...» [10].</i>
тактика отсроченного диалога	тактика ритуализации негативного высказывания
<i>«Я бы сказал ему «будьте здоровы». Я желаю ему здоровья. Говорю это без иронии, без шуток» [10].</i>	<i>«Кто как обзывается, тот так и называется» [10].</i>
тактика поиска альтернатив	тактика предостережения (подчеркивание «специальной сдержанности»)
<i>«...очень много честных, порядочных, душевных людей, которые хотят жить с нами в мире и дружбе, мы знаем об этом и дорожим этим, и будем на них опираться в будущем...», «И мы будем с ними работать, но в тех областях, в которых мы сами заинтересованы...» [10].</i>	<i>«Мы ведём себя в этой связи в высшей степени сдержанно, прямо, без иронии скажу, можно сказать скромно» [41].</i>
тактика интеграции международного потенциала	тактика перехода от консолидирующей идеи к предостережению
<i>«С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд». «Многие страны сталкивались с такими же проблемами...» [40].</i>	<i>«Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступали кое-кому на «больные мозоли», и будем наступать на них впредь [40].</i>
тактика разумной координации усилий дезинтегрированных граждан в совместной деятельности	тактика ложного призыва к кооперации коллективных усилий (ирония)

Продолжение приложения А

Продолжение таблицы А.1

Консолидация	Конфронтация
<i>«Я безусловно буду работать со всеми, с представителями самых разных политических сил» [42].</i>	<i>«Идите ко мне, бандерлоги» [42].</i>
тактика опоры на авторитет	тактика обличения действий оппозиционно настроенных великих держав
<i>«Многие читали в детстве «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери и помнят завет главного героя: «Есть такое твёрдое правило... [17].</i>	<i>И конечно, вокруг них сразу же, как вокруг Шерхана, крутятся всякие мелкие Табаки, всё как у Киплинга, подвывают, для того чтобы задобрить своего суверена» [41].</i>
тактика «акцентного декларирования» интенции осознания важности заботы о природе, сбережения и сохранения окружающей среды	тактика направленности к очагам конфронтации
<i>«Есть такое твёрдое правило...», «Это очень скучная работа, но совсем нетрудная» [17].</i>	<i>«...вообще без всякого повода цеплять Россию», «...цепляют Россию то тут, то там без всяких причин» [41].</i>
тактика отождествления себя с народом, утверждения мысли о важности коллективной силы перед лицом внешней угрозы	тактика противопоставления злу, важности защиты родной земли
<i>«...я хочу, чтобы Россия сохранилась», «Я желаю всем мира и благополучия», «Мы все должны бороться с пандемией коронавируса», «...мы готовы оказать всю помощь», «...мы не останемся к ним безучастными», «...мы всегда будем защищать», «...весь народ встал на борьбу» [39].</i>	<i>«Это борьба за справедливость, истину и свободу» [30].</i>
тактика заботы о благосостоянии, безопасности жителей всей планеты	тактика контраргумента
<i>«...предоставить социальную помощь семьям с детьми», «...обеспечить свободный доступ к вакцинации для граждан всех государств» [19].</i>	<i>«Я являюсь настоящим националистом. ...Но это национализм не придурочный и дурацкий» [15].</i>
тактика принятия оперативных решений, оказания экстренной помощи перед лицом нового вызова	тактика опровержения недостоверной информации на основе размежевания

Продолжение приложения А

Продолжение таблицы А.1

Консолидация	Конфронтация
<p>«...предпринять меры не только по производству, но и закупке нужных лекарств», «...предоставить гражданам надежную защиту от внутренних и внешних угроз» [39].</p>	<p>«...ничего из того, что там указано в качестве моей собственности, ни мне, ни моим близким родственникам не принадлежит и никогда не принадлежало. Никогда», «...есть люди, которых я вообще не знаю», «...я не занимался этим никогда», «...вообще, просто никогда их не видел в глаза, не знаком с ними» [11].</p>
<p>тактика объединения нации на межнациональных и религиозных основах</p>	
<p>«Для России межнациональный и межрелигиозный мир – основа основ...», «Сбережение нации, защита их от внешних и внутренних угроз определяет мощь и дальнейшее процветание страны» [30].</p>	
<p>тактика создания мирного космоса, порядка на Земле</p>	
<p>«Встал – сразу же приведи в порядок свою планету» [15].</p>	
<p>тактика апелляции к доверительным взаимоотношениям между «своими», близкими, родными.</p>	
<p>«...если люди вступают в брак и собираются жить вместе, вести общее хозяйство, детей иметь, то, наверное, должны доверять друг другу» [11].</p>	
<p>тактика «акцентного декларирования» намерения заботиться о благосостоянии населения</p>	
<p>«...если думать особенно о социальной стороне бизнеса, о создании рабочих мест, о достойной заработной плате, о развитии отраслевой экономики, это очень здорово и очень полезно» [11].</p>	